

Dictum – factum:

от исследований к стратегическим
решениям

ISSN: 2713-2943

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

**Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Севастопольский государственный университет»
Институт общественных наук и международных отношений
Кафедра «Иностранные языки»
Кафедра «Теория и практика перевода»**

**Dictum – factum:
от исследований к стратегическим решениям**

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

ВЫПУСК 5

**The Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation
The Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
“Sevastopol State University”
The Institute of Social Sciences and International Relations
The Department of Foreign Languages
The Department of Theory and Practice of Translation**

**Dictum – factum:
from Research to Policy Making**

EDITED VOLUME

ISSUE 5

Sevastopol – Belgorod
2021

Главный редактор: КОМУЦЦИ Л. В., доктор филологических наук, доцент, СевГУ
Научный редактор: ИВАНЦОВА Ю. А., кандидат филологических наук, доцент, СевГУ

Редакционная коллегия:

БАРАНОВА А. В., кандидат филологических наук, доцент, СевГУ
ДЕЛЬВИГ Н. А., кандидат педагогических наук, доцент, СевГУ
КАБАНКОВА Е. Н., кандидат педагогических наук, доцент, СевГУ
ЛОБКОВ А. Е., кандидат филологических наук, доцент, СевГУ
РУДЕНКО Н. С., кандидат филологических наук, доцент, СевГУ
БРАСЛАВСКАЯ Е. А., старший преподаватель, СевГУ
ЛЫСЕНКО В. В., старший преподаватель, СевГУ

Публикуется по решению кафедры «Иностранные языки» СевГУ (Протокол заседания кафедры № 10 от 16.05.2022 г.).

D53 **Dictum – factum : от исследований к стратегическим решениям:** Сборник научных трудов / главный редактор Комуцци Л. В., научный редактор Иванцова Ю. А., ред. колл.: Баранова А. В., Кабанкова Е. Н., Лобков А. Е. [и др.]. ; ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», Институт общественных наук и международных отношений. – Белгород: ИПЦ "ПОЛИТЕРРА", 2021. – Выпуск 5. – 74 с. – Текст : электронный.

Сборник «Dictum – factum: от исследований к стратегическим решениям» включает статьи по гуманитарным и общественным наукам молодых и опытных исследователей России и зарубежных стран. Журнал предназначен для ученых-гуманитариев, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов с целью использования в научной и методической работе. Статьи, включенные в сборник, прошли рецензирование и представлены в авторской редакции. Ответственность за точность цитат, имен, названий, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов. Мнение редакции не всегда совпадает с позицией авторов.

Сборник имеет Международный стандартный номер сериального журнала ISSN, и информация о публикуемых статьях передается в систему Российского индекса научного цитирования – РИНЦ. Электронные версии выпусков находятся в свободном доступе на сайте Севастопольского университета <https://old.sevsu.ru/nauka/pechat-izdaniya/item/9676-df>.

© ФГАОУ ВО «СевГУ», 2021
© Коллектив авторов, 2021
© Редакционная коллегия, 2021
© ООО «ИПЦ "ПОЛИТЕРРА"», 2021

UDC 082
BBC 94.3
D 53

ISSN 2713-2943 (Online)

Editor-in-Chief: KOMUTSTSI L. V., Doctor of Science in Philology, Associate Professor, SevSU
Scientific Editor: IVANTSOVA Yu. A., PhD in Philology, Associate Professor, SevSU

Editorial Board:

BARANOVA A. V., PhD in Philology, Associate Professor, SevSU
DEL'VIG N. A., PhD in Pedagogy, Associate Professor, SevSU
KABANKOVA E. N., PhD in Pedagogy, Associate Professor, SevSU
LOBKOV A. E., PhD in Philology, Associate Professor, SevSU
RUDENKO N. S., PhD in Philology, Associate Professor, SevSU
BRASLAVSKAIA E. A., Senior Lecturer, SevSU
LYSENKO V. V., Senior Lecturer, SevSU

Issued by the Decision of the Foreign Languages Department, SevSU (Minutes of Department Meeting No. 10 dated 16.05.2022).

D53 **Dictum – factum : from Research to Policy Making::** Collection of research papers / editor-in-chief Komuttsi L. V., scientific editor Ivantsova Yu. A., ed. board: Baranova A. V., Kabankova E. N., Lobkov A. E. [et al.] ; the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “Sevastopol State University”, the Institute of Social Sciences and International Relations. – Belgorod: PPC “POLITERRA”, 2021. – Issue 5. – 74 p. – Text : electronic.

“Dictum – factum: from Research to Policy Making” includes articles on humanities and social sciences written by young and experienced researchers from Russia and abroad. The journal is addressed to humanities scholars, educators, postgraduates, undergraduates and students. The articles included in the collection have been peer-reviewed and are presented in the authors’ wording. Responsibility for the accuracy of citations, names, titles, as well as for compliance with the laws on intellectual property is borne by the authors of the published materials. The opinion of the editors does not always coincide with that of the authors.

The collection has an International Standard Serial Number ISSN, and information about the published articles is submitted to the Russian Science Citation Index (RSCI). Electronic versions of the issues can be accessed on the website of Sevastopol University <https://old.sevsu.ru/nauka/pechat-izdaniya/item/9676-df>.

© SevSU, 2021
© Composite authors, 2021
© Editorial board, 2021
© LLC "PPC "POLITERRA", 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Елизаров А. С., Михайлова Е. В.

СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ В ВИНОГРАДАРСКОЙ И ВИНОДЕЛЬЧЕСКОЙ
ТЕРМИНОЛОГИИ АНГЛИЙСКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ.....10

Кузьмичева А., Палий Ю. В.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КУЛИНАРНОГО ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСА: НА
МАТЕРИАЛЕ КУЛИНАРНЫХ БЛОГОВ НА ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ.....14

Мороз З. О., Бармина Е. А.

СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ КОМИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА В ОРИГИНАЛЕ И ПЕРЕВОДЕ (НА
МАТЕРИАЛЕ СИТУАЦИОННОЙ КОМЕДИИ “BRASSIC”).....18

Ястрембский П. В.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ.....23

ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Бочкарев М. А., Комуцци Л. В.

ОРКЕСТРОВКА И КОМПОЗИЦИЯ СТИХОТВОРНОГО ТЕКСТА: ЕЩЕ РАЗ О «ВОРОНЕ»
ЭДГАРА ПО.....29

Добында Д. Г., Комуцци Л. В.

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ ПОТОКА СОЗНАНИЯ В РАССКАЗЕ ВИРДЖИНИИ
ВУЛЬФ «ПЯТНО НА СТЕНЕ».....34

Мотилова М. В., Чалая Ю. П.

ГЕНДЕРНЫЙ ФАКТОР В ПЕРЕВОДЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА.....38

Уткина О.В., Лобков А. Е.

ИДИОСТИЛЬ ДЖЕЙМСА КЕЛМАНА.....43

ПОЛИТОЛОГИЯ И ЭКОНОМИКА

Лоза С. В., Медведкин Т. С.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИННОВАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ
РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ И ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ДАННОЙ СТРАТЕГИИ ДЛЯ
РОССИИ.....50

Матушевская Е. А., Яковлева Ю. К.

СЕБЕСТОИМОСТЬ УСЛУГ В САНАТОРНО-КУРОРТНОЙ СФЕРЕ И ТУРИЗМЕ:
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ И КЛАССИФИКАЦИЯ.....55

Рудюк А. В., Балаклеева А. М.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ В РОССИИ.....59

Троценко О. И., Абрамова Л. С.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ ГОСТИНИЧНОЙ ИНДУСТРИИ В
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И В КРЫМУ.....63

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ.....69

CONTENTS

LANGUAGE STUDIES

Elizarov A. S., Mikhailova E. V.

SIMILARITIES AND DISIMILARITIES OF VITICULTURAL AND WINE-MAKING TERMINOLOGY IN ENGLISH AND FRENCH LANGUAGES.....10

Kuzmichyova A., Paliy Y. V.

LINGUISTIC FEATURES OF CULINARY INTERNET DISCOURSE IN SPANISH FOOD BLOGS.....14

Moroz Z. O., Barmina Ye. A.

DEVICES OF CREATING A COMIC EFFECT IN THE ORIGINAL AND TRANSLATION (BASED ON THE SITUATIONAL COMEDY “BRASSIC”).....18

Yastremskiy P. V.

SOME ASPECTS OF TRANSLATING LEGAL LEXEMES IN PUBLICIST TEXTS.....23

LITERATURE AND LITERARY STUDIES

Bochkariov M. A., Komutstsi L. V.

ORCHESTRATION AND COMPOSITION IN POETRY: E.A. POE’S “THE RAVEN” REVISITED.....29

Dobynda D. G., Komutstsi L. V.

SYNTACTIC DEVICES OF THE STREAM OF CONSCIOUSNESS IN VIRGINIA WOOLF’S SHORT STORY “THE MARK ON THE WALL”.....34

Motilova M. V., Chalaya Yu. P.

GENDER ASPECT OF TRANSLATION OF THE LITERARY TEXT.....38

Utkina O. V., Lobkov A. E.

THE INDIVIDUAL STYLE OF JAMES KELMA.....43

POLITICAL AND ECONOMIC STUDIES

Loza S. V., Medvedkin T. S.

TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF THE NATIONAL INNOVATION POLICY OF THE REPUBLIC OF KOREA AND ITS APPLICABILITY FOR RUSSIA.....50

Matushevskaya E. A., Yakovleva J. K.

THE COSTS OF RESORT AND TOURISM: THE ECONOMIC ESSENCE AND CLASSIFICATION.....55

Rudyuk A. V., Balakleeva A. M.

CURRENT PROBLEMS OF ECONOMIC SECURITY OF BUSINESS SUBJECTS IN
RUSSIA.....59

Trotsenko O. I., Abramova L. S.

TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF HOTEL INDUSTRY ENTERPRISES IN THE
RUSSIAN FEDERATION AND IN CRIMEA.....63

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS.....72

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81'37=111=133.1'276.6:[634.8+663.2]

СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ В ВИНОГРАДАРСКОЙ И ВИНODEЛЬЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ АНГЛИЙСКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ

Елизаров А. С.

Научный руководитель: Михайлова Е. В.

SIMILARITIES AND DISIMILARITIES OF VITICULTURAL AND WINE-MAKING TERMINOLOGY IN ENGLISH AND FRENCH LANGUAGES

Alexander S. Elizarov

Scientific advisor: Evgenia V. Mikhailova

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются сходства и отличия в различных сферах виноградарской и винодельческой лексики английского и французского языков. Актуальность данной работы обусловлена необходимостью описания терминологической лексики виноградарской и винодельческой тематики английского и французского языков в сопоставительном аспекте и установления общих и специфических закономерностей в словарном составе исследуемых языков. Это важно и для экономики Черноморского региона, где виноградарство и виноделие сегодня активно развиваются. Основным методом в проведении данного исследования является сравнение, поскольку в ходе исследования сравнивались различные термины в английском и французском языках. Материалом исследования послужили терминологические единицы, принадлежащие к виноградарской и винодельческой тематике в английском и французском языках, извлеченные методом сплошной выборки из словарей винодельческой и виноградарской терминологии. В ходе исследования было выявлено, что терминология данной сферы деятельности в английском и французском языках во многом схожа, поскольку имеет одни и те же истоки – романские языки, основным из которых является латынь.

Ключевые слова: виноградарство, виноделие, английская и французская терминологическая лексика.

ABSTRACT. The article is devoted to the similarities and differences in various fields of viticultural and wine-making terminology in English and French. The relevance of this research may be explained by the need for a systematic description of the terminological vocabulary of the viticultural and wine-making topics in the English and French languages in a comparative aspect and to establish general and specific patterns in the terminology of these languages. This is also important for the economy of the Black Sea region, where viticulture and wine-making are actively expanding today. The method used in conducting this research is mainly that of comparison. The viticultural and wine-making terms were extracted by method of continuous sampling from dictionaries of wine-making and viticultural terminology. The study revealed that the terminology of this field of activity in English and French is largely similar since it has the same origins, namely, Latin and other Romance languages.

Keywords: viticulture, wine-making, English and French terms.

Десятки столетий виноградарство и виноделие привлекают к себе внимание людей, их история и особенности производства хорошо изучены и продолжают совершенствоваться. Однако, несмотря на давнюю историю, данная предметная область не была в достаточной мере изучена с лингвистической точки зрения. Анализ доступной нам литературы позволяет

сделать вывод, что к лингвистическому анализу она привлекалась лишь дважды: рассматривались ее средиземноморские и субрегиональные реалии на материале итальянского, испанского и французского языков, а также ее лексико-семантический и словообразовательный аспекты на материале английского и русского языков.

При сопоставлении виноградарской и винодельческой терминологии в английском и французском языках нужно помнить, что данная предметная область во Франции существует со времен завоевания Цезарем Галлии, то есть еще до нашей эры, а в англоязычных странах она зародилась намного позже и лишь в XVIII веке в Северной Америке, что свидетельствует о том, что во французском языке терминология данной сферы куда более развита.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью описания терминологической лексики виноградарской и винодельческой тематики английского и французского языков в сопоставительном аспекте и установления общих и специфических закономерностей в словарном составе исследуемых языков. Особенно актуальна данная тема для Черноморского региона, в связи с активным развитием здесь виноградарства и виноделия.

Объектом исследования являются термины виноградарства и виноделия, функционирующие в специальных текстах, зафиксированные в толковых и специальных словарях. Целью исследования является комплексное сравнительно-сопоставительное исследование энологической лексики в системе английского и французского языков в русле современных тенденций терминологии и лингвокультурологии.

Материалом исследования составляют терминологические единицы, принадлежащие энологической тематике в английском и французском языках, извлеченные методом сплошной выборки из современных толковых, специальных словарей, а также примеры их употребления в специальных текстах. Методологической основой исследования служит системно-аналитическое представление объекта филологического исследования (работы отечественных и зарубежных лингвистов В.М. Лейчика, Б.Н. Головина, З.И. Комаровой и др.).

Базовое понятие данного исследования – термин – лингвисты трактуют по-разному. В.М. Лейчик видит данное понятие так: «термин – это лексическая единица определенного языка для специальных целей, обозначающая общее – конкретное или абстрактное – понятие теории определенной специальной области знаний или деятельности» [1, с. 25]. В.С. Кулебакин и Я.А. Климовицкий трактуют это понятие немного иначе: «Термин – это слово или словосочетание, являющееся единством звукового знака и соотнесенного (связанного) с ним соответствующего понятия в системе понятий данной области науки и техники» [2, с. 12]. Несмотря на различия в толкованиях, у них всех есть один общий элемент – соотнесенность с понятием, принадлежащим конкретной специальной области знания. Термин – базовое понятие терминоведения – самостоятельной научно-прикладной лингвистической дисциплины, впитавшей в себя достижения ряда современных наук и прикладных областей деятельности [1, с. 8]. Терминоведение изучает происхождение, формы, содержание, функционирование и использование терминов и других специальных лексических единиц, совокупности терминов, их грамматическую организацию законы функционирования в различных областях производства [3, с. 25; 4, с. 20].

Поскольку английский язык с давних времён тесно переплетён с французским, влияние этих двух языков друг на друга неизбежно приводит к схожести лексики этих двух языков. Особенно это заметно в сфере виноградарства и виноделия. Большое влияние на формирование виноградарской и винодельческой лексики английского языка оказал именно французский, поскольку Франция является центром европейского виноделия и именно из неё берут корни многие термины.

Например, базовый термин “bottle” является заимствованием из старофранцузского “boteille”, в современном французском – “bouteille”. “Bottle – a bottle is a small container with a neck that is narrower than the body and a “mouth.” Modern wine bottles are nearly always made of glass because it is nonporous, strong and aesthetically pleasing” [19]. “Bouteille – récipient

allongé à goulot étroit, en verre, en plastique, en métal ou en terre destiné aux liquides, notamment aux boissons, son contenu” [9].

Другой пример термина, заимствованный из французского – “champagne”. “Champagne – an expensive white or pink fizzy wine made in the Champagne area of Eastern France” [8]. “Champagne – vin blanc mousseux produit exclusivement en Champagne” [12]. Происхождение этого термина связано с его местом его происхождения – регионом во Франции Шампань.

Также к французским заимствованиям относят названия сортов вина (*Sauvignon, Zinfandel, Merlot, Pinot Noir, Cabernet Franc, Malbec, Bordeaux, Sangiovese*), некоторые специальные термины, такие как “brut”, “magnum”, “rosé”, “terroir” и др. “Brut – a general term used to designate a relatively dry-finished Champagne or sparkling wine, often the driest wine made by the producer” [14]. “Magnum – oversize bottle, twice the size of a standard 750ml. wine bottle [18]”. “Rosé – a light pink table wine made from red grapes by removing the skins after fermentation has begun” [15]. “Terroir – the combination of factors including soil, climate, and sunlight that gives wine grapes their distinctive character” [16].

Есть также термины, пришедшие в английскую и французскую терминологию из других языков. Например, термин “carafe” в обоих языках пишется одинаково. *Carafe – a tall glass container with a wide, round bottom for serving wine or water, or the amount contained in this container [7]. Carafe – un récipient en verre à corps pansu et à goulot étroit, destiné à servir à table le vin ou l'eau [10].* Этот термин является заимствованием итальянского “carafa”.

Другой пример подобного заимствования – “capsule”. *Capsule – a thin metal cap, seal, or cover, such as the foil covering the cork of a wine bottle [5]. Capsule – une coiffe métallique ou plastique assurant le bouchage d'une bouteille [9].* Это слово является заимствованием из латинского “capsula”.

Ещё один термин, пришедший в английский и французский языки из латыни – ядро виноградарства и виноделия – вино. Английское “wine” и французское “vin” уходят своими корнями в латинское “vīnum”.

Терминов, не являющихся французскими заимствованиями, в английской виноградарской и винодельческой терминологии также очень много. Но среди них встречаются термины со схожим подходом к словообразованию. Например, “screwcap” – винтовая пробка. *Screwcap – a cap that screws onto a thread around the opening of a jar or bottle to form a seal [6].* Во французском языке этому термину соответствует “capsule à vis”. *Capsule à vis – la capsule à vis est une autre forme d'obturateur pouvant remplacer le bouchon; celui-ci se visse [17].* Сходство этих двух терминов в том, что они оба содержат в себе слово “винт” – “screw” и “vis”, что и способствовало образованию термина.

Говоря о сходствах между виноградарской и винодельческой лексикой английского и французского языков, нельзя не отметить, что английская терминология данной терминосферы очень многое почерпнула из других языков, в особенности – французского. Основным отличием виноградарской и винодельческой терминологии английского и французского языков является количество терминов в целом и количество терминов, относящихся к отдельным подкатегориям.

Во французском языке виноградарская и винодельческая терминология включает в себя немного большее количество терминов, чем в английском. Связано это в первую очередь с тем, что некоторые из терминов характерны только для Франции и предметы или явления, обозначающиеся такими терминами, нигде больше не встречаются. Например, термин “collerette”, означающий этикету, которая прикрепляется к бутылке вина. На таких этикетках указывается винтаж вина. *Collerette – etiquette placée à l'épaule des bouteilles et portant souvent le millésime du vin [13].* В английском языке этот термин отсутствует, поскольку англичане не делают подобных этикеток.

Помимо разницы в общем количестве терминов также английская и французская виноградарская и винодельческая терминология различаются количеством терминов, которые можно отнести к определённым тематическим группам. Например, к группе

предметов в энологической лексике английского языка можно отнести 80 терминов, что составляет 8% от общего объема терминологии данной сферы, тогда как во французском языке в эту группу входит 180 терминов, что составляет примерно 20% от всей терминологии. К группе процессов в английском языке можно отнести 161 термин, в то время как во французском их 157.

Нельзя не упомянуть и терминологию, связанную непосредственно с винами, поскольку термины, относящиеся к этой тематической группе, являются результатом процесса виноделия. Именно поэтому не удивительно, что категория вин является одной из самых представленных категорий изучаемой терминосферы. В английском языке для этой тематической группы наиболее характерны заимствования из романских языков, среди которых даже встречаются термины с диакритическими знаками, как упомянутый ранее “rosé”.

В английском языке преобладает терминология, связанная со свойствами вина и винограда. Она представлена 340 терминологическими единицами, тогда как во французском в эту группу можно включить всего 90 терминов. Большая представленность данной группы объясняется тем, что многие прилагательные, описывающие свойства винограда или вина, дублируются и имеют синонимы, объясняющиеся большим количеством заимствований из романских языков. В ней представлены преимущественно прилагательные, описывающие вкусовые оттенки вин и характеристики винограда, что является очень важным аспектом в предметной области «Виноградарство и виноделие». Франция является законодателем моды в данной сфере, и влияние французских традиций, а вместе с тем, и терминологии, на весь мир действительно велико. Данным фактом обуславливается большое количество заимствований в английской терминологии из французского языка, калькирование понятий, и также различия в количестве терминов в различных тематических группах.

Список литературы

1. *Лейчик В.М.* Терминоведение: предмет, методы, структура. М.: Либроком, 2009. 256 с.
2. *Кулебакин В.С., Климовицкий Я.А.* Работы по построению научно-технической терминологии в СССР и советская терминологическая школа // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. М.: Наука, 1970. С. 11–28.
3. *Головин Б.Н., Кобрин Р.Ю.* Лингвистические основы учения о терминах. М.: Высш. Шк., 1987. 104 с.
4. *Лейчик В.М.* Применение системного подхода для анализа терминосистем // Терминоведение и профессиональная лингводидактика. Под ред. В.А. Татарина. М.: Московский лицей, 1993. Вып. 1. С. 19-30.
5. *Collins English Dictionary: Capsule definition and meaning.* URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/capsule> (Дата обращения 12.04.2022).
6. *Collins English Dictionary: Screwcap definition and meaning.* URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/screw-cap> (Дата обращения 12.04.2022).
7. *Cambridge Dictionary: Carafe meaning and definition.* URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/carafe> (Дата обращения 12.04.2022).
8. *Cambridge Dictionary: Champagne meaning and definition.* URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/champagne> (Дата обращения 15.04.2022).
9. *Larousse dictionnaire français: definitions bouteille n.f.* URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/bouteille/10746> (Дата обращения 15.04.2022).
10. *Larousse dictionnaire français: définition. carafe n.f.* URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/carafe/13072> (Дата обращения 15.04.2022).
11. *Larousse dictionnaire français: définition capsule n.f.*

- URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/capsule/12997> (Дата обращения 15.04.2022).
12. *Larousse dictionnaire français*: définition champagne n.m. – champagne adj.inv.
URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/champagne/14560> (Дата обращения 18.04.2022).
13. *Larousse dictionnaire français*: définition collerette n.f.
URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/collerette/17198> (Дата обращения 18.04.2022).
14. *Merriam Webster Dictionary*: Brut definition and meaning. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/brut> (Дата обращения 18.04.2022).
15. *Merriam Webster Dictionary*: Rosé t definition and meaning.
URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/rosé> (Дата обращения 18.04.2022).
16. *Merriam Webster Dictionary*: Terroir definition and meaning.
URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/terroir> (Дата обращения 24.04.2022).
17. *Vin-Vigne: Le guide des vins et des vignes de France*: Capsule à vis définition.
URL: <http://www.vin-vigne.com/lexique/definition-capsule-a-vis.html> (Дата обращения 24.04.2022).
18. *Winemaker: Glossary of Wine Terms*. URL: <https://richardgpeterson.com/wine-glossary/#M> (Дата обращения 25.04.2022).
19. *WineArk Glossary of Wine Terms*.
URL: <https://www.wineark.com.au/resources/glossary-wine-terms> (Дата обращения 25.04.2022).

УДК 811.134.2`276.6`42:[004.55:641.51]

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КУЛИНАРНОГО ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСА: НА МАТЕРИАЛЕ ИСПАНОЯЗЫЧНЫХ КУЛИНАРНЫХ БЛОГОВ

Кузьмичёва А.

Научный руководитель: Палий Ю. В.

LINGUISTIC FEATURES OF CULINARY INTERNET DISCOURSE IN SPANISH FOOD BLOGS

Anna Kuzmichyova

Scientific advisor: Yuliya V. Paliy

АННОТАЦИЯ. В данной статье рассматриваются основные лингвистические особенности кулинарного интернет-дискурса на материале кулинарных испаноязычных блогов. Цель работы заключается в анализе лингвистических особенностей испаноязычных кулинарных блогов. Для анализа были использованы описательно-аналитический метод, метод абстрагирования, метод логического сопоставления и метод контекстуального анализа. Рассмотрены основные подходы изучения термина «интернет-дискурс» и лингвистические особенности коммуникации в сети Интернет. В ходе анализа испаноязычных кулинарных блогов было выявлено частое употребление заимствованных слов, использование специальной терминологии, связанной с кулинарной деятельностью, императивного и сослагательного наклонений, а также употребление личных предложных форм.

Ключевые слова: интернет-дискурс, коммуникация в сети Интернет, испанские кулинарные блоги.

ABSTRACT. This article discusses the linguistic features of culinary Internet discourse in Spanish food blogs. The purpose of the work is to analyze the linguistic features of Spanish food blogs using the descriptive-analytical method, the abstraction method, logical comparison and contextual analysis. The authors make a review of approaches to studying the term “Internet discourse” and identify the linguistic features of Internet communication. The analysis of food

Spanish blogs has revealed frequent use of borrowings, special terminology related to culinary activities, imperative and subjunctive moods, as well as the use of personal prepositional forms.

Key words: Internet discourse, Internet communication, Spanish food blogs.

С появлением сети Интернет люди смогли осуществлять деятельность в другом, альтернативном мире. Под понятием «альтернативный мир» понимается интернет пространство, в котором люди свободны в своих мыслях и деятельности. В этом мире продвигается интернет индустрия, превратившая блогинг в полноценную профессиональную деятельность. Ребекка Блад, американский специалист по блогам, пишет, что человек «запрограммирован» на общение с другими людьми. Как только программные средства стали общедоступными, люди получили возможность публиковать в Интернете всё, что им хочется и оставлять комментарии, этот способ общения стал весьма привлекательным [12].

В данной работе мы рассматриваем кулинарный блог как новый формат кулинарной деятельности и лингвистические особенности их испаноязычных версий. Приготовление еды считается одним из видов искусства, которое зародилось много лет назад. Способы приготовления и ритуалы потребления пищи складывались на протяжении многих веков и привели к созданию национальных кухонь, являющихся неотъемлемой частью всякой национальной культуры.

Кулинарные блоги составляют важную сферу интернет-дискурса, и мы рассматриваем это явление в аспекте воздействия социальных факторов на язык на основе достижений социолингвистики и лингвокультурологии. Мы рассмотрели и понятия, синонимичные «интернет-дискурсу», с целью определения единого термина исследования: «электронная коммуникация», «компьютерный дискурс», «виртуальный дискурс», «сетевой дискурс», принятые в англоязычной лингвистической литературе, но мы будем использовать только термин «интернет-дискурс», понимаемый как глобальное межкультурное явление, особая разновидность устного и письменного дискурсов, речевая ситуация общения в пространстве всемирной паутины.

Данное определение не является «словом в последней инстанции», поскольку оно продолжает развиваться и уточняться в широком пространстве изучения коммуникации в сети. В отечественной лингвистике предлагаются разные, во многом схожие, толкования. По мнению Е.Н. Галичкиной, «Интернет-дискурс – межличностное общение в сети Интернет, содержащее в себе признаки всех видов дискурса, не принадлежа ни к одному из них полностью», многожанровая функциональная разновидность публичной монологической и диалогической речи [3, с. 156]. И.В. Карасик дает следующее определение: «Интернет-дискурс – вся совокупность текстов, объединенная общей тематикой, связанной с современными информационными технологиями» [6, с. 25]. А.А. Ушаков определяет интернет-дискурс как «новый тип речи, в рамках которого формируются и развиваются самобытные коммуникативные жанры» [13]. Е.Г. Грибовод считает, что, несмотря на разнообразие определений «интернет-дискурса», в целом это равнозначные понятия, которые являются коммуникативными действиями, связанные с обменом, передачей информации и общением между людьми посредством компьютера и других различных средств связи [5].

Языковые изменения внутри сети Интернет больше всего заметны в исконно сетевом жанре неспециального общения. Пользователи употребляют большое количество аббревиатур и акронимов. Это может служить средством экономии времени и усилий в процессе общения, выступать маркером принадлежности к определённой группе, скрывать вульгарный, неприличный элемент, который забывается в сокращённой форме, теряет эффект непристойности и становится лишь показателем разговорного неформального стиля общения, может служить средством засекречивания информации. Орфография в интернет-дискурсе в целом отсутствует. Неправильное написание слов зачастую запланировано и сделано с целью упрощения коммуникации. Такое упрощение орфографии считается ещё одним экспрессии. Например, сейчас – щас/ща, хочешь – хош, тебя – тя.

К лингвистическим особенностям интернет коммуникации также относится употребление англицизмов и аббревиатур, широко употребляемых и русскоязычными блогерами: бан/забанить, лайк/дизлайк, селфи; LOL (laughing out loud – «ржунимогу»), ROFL (rolling on the floor laughing «валяюсь на полу от смеха»), WTF (what the f*ck? – какого чёрта?), НАНАНА и т.д. [1]. Кроме того, для придания общению большей эмоциональности была разработана целая семиотическая система, функционирующая только в электронной среде – «эмотиконы» или, более часто встречающийся вариант именованная – смайлики.

Блоги представляют собой особую разновидность Интернет-дискурса. Они используются «не только как приватный или публичный дневник, но и как средство социализации, способ получения информации, расширения круга знакомств, в том числе и деловых, место дискуссий и создания совместных проектов» [10]. Кулинарные блоги рассматриваются как новая разновидность гастрономического дискурса, определенного А.В. Олянич в 2003 году как «особый вид коммуникации, связанный с состоянием пищевых ресурсов и процессами их обработки и потребления» [11, с. 168].

Тематические кулинарные блоги встречаются на любых медиа сервисах, таких как Meta (бывший Facebook), ВКонтакте, Одноклассники, Интернет-форумах, YouTube и Instagram. Гастрономический дискурс включает себя разные жанры, отличающиеся друг от друга по функциям. Основной формой реализации гастрономического дискурса остается текст кулинарного рецепта, но под влиянием сети Интернет текст кулинарного рецепта может изменяться на структурном и функциональном уровнях.

Мы выделили следующие жанры гастрономического Интернет-дискурса:

- тексты меню;
- кулинарные рецепты;
- кулинарные блоги;
- кулинарные фрагменты в художественной литературе;
- гастрономическая реклама;
- кулинарные программы.

Эта жанровая классификация не является полной. Названные жанры объединяет кулинарная лексика, стиль рекламы, общая тема.

Особенность блогов заключается в том, что они тесно взаимодействуют с платформой YouTube, благодаря которой интернет-пользователь может не только ознакомиться с кулинарным текстом, но и просмотреть видео-рецепт.

Мы рассмотрим основные лексические и синтаксические характеристики испаноязычного кулинарного блога. Прежде всего, к таковым относится использование кулинарной терминологии:

1) названия продуктов питания: *carne, cebolla, leche, pan rallado, huevos, pollo, patata, limón, harina, atún, aceite de oliva*;

2) названия специй: *pimienta blanca, pimienta negra, sal, azúcar, jengibre, nuez moscada, pimientos dulces, achiote urucú, comino molido, hierbas aromáticas*:

- 4 tazas de pollo o pavo previamente cocido desmenuzado
- 6 a 7 tazas de arroz cocido de 2 tazas de arroz crudo
- 3 cucharadas de aceite de oliva o mantequilla
- 1 cebolla amarilla o blanca tipo perla, picadita en cubos
- 6 dientes de ajo machacados
- 2 pimientos dulces 1 verde y 1 rojo o del color que sea, picaditos en cubos o juliana
- 1/2 a 1 taza de caldo de pollo o pavo ajuste de acuerdo a la consistencia deseada para el arroz con pollo
- 4 cucharadas de salsa de soya salsa china [7];

3) употребление глаголов: *triturar, freír, condimentar, precalientar, extender, regar, asar, dorarse, dar la vuelta, enjugar, cover, hervir, despegarse, amasar, cortar* и др.

Большинство испанских слов имеют латинское происхождение: *queso, huevo, pan, calentar, sartén, sal, cebolla, cocinar, espinaca, orégano* и др. Считается, что в современном

испанском языке около 4000 слов арабского происхождения – они часто начинаются с -al или -a и хорошо ассимилированы в испанском языке, так что проследить этимологию того или иного слова проследить сложно. С арабскими заимствованиями связано явление лингвистических дублетов. Например, в сочетании “*aceite de oliva*” *aceite* происходит из арабского языка, а *oliva* – из латинского. Арабские заимствования в гастрономическом дискурсе включают: *zanahoria, azúcar, berenjena, escabeche, albóndiga, ahorrar, arroz, taza, zumo, atún, albahaca*.

Заимствования из других языков:

- из английского: *yogur, hamburguesa, sándwich, grill, burger, bacon, chips, ketchup*;
- из французского: *cruasán, perejil*;
- из итальянского: *pizza, pasta, baguette*;
- из языка ацтеков: *aguacate*;
- из хинди: *naranja, limón*.

Тексты кулинарных блогов представляют собой логически связанный текст, в котором приготовление блюда является приоритетной задачей. Такой текст состоит не только из перечисления последовательности приготовления блюда, а также рекомендации автора. В синтаксической структуре блогов мы выделили приемы использования императивных конструкций в блоке с алгоритмом приготовления блюда. Это наиболее частотный прием в кулинарном блоге:

Para preparar el aderezo, ponga el jugo de limón, el aceite de oliva, la mostaza, el cilantro, la sal y la pimienta en un frasco pequeño, ciérrelo bien y agite hasta que los ingredientes estén bien combinados. Ponga los garbanzos, el atún, la cebolla picada, los tomates picados, el aguacate y el resto del cilantro en una fuente o bol para ensaladas. Agregue el aderezo de limón con mostaza y mezcle bien [7].

Другим выделенным признаком является использование сослагательного наклонения (Modo Subjuntivo) для выражения эмоций, желаний, совета и т.д. Испаноязычные кулинарные блогеры используют его для рекомендаций, например: *De postre te aconsejo que prepares una macedonia de fruta o un fondue de fruta o brochetas* [8]. Также сослагательное наклонение используют для выражения цели, например: *Agregue el agua poco a poco, y amase con fuerza para que obtenga una masa compacta* [9].

В испанском языке личные местоимения делятся на беспредложную и предложную формы. В отличие от беспредложной формы личных местоимений, которые всегда используются, предложная форма используется для конкретизации, противопоставления и экспрессивности. В данной работе было отмечено использование предложных личных местоимений с целью добавления экспрессивности в комментариях автора.

Para freírlos a mí me gusta usar un cazo, de esta manera necesitamos menos aceite para que la comida quede bien cubierta [8].

A mí me gusta preparar este plato porque yo creo que el es ideal para cualquier día festivo o en una reunión con amigos [9].

Результаты исследования показывают, что основными жанрами гастрономического дискурса являются тексты меню, рецепты; кулинарные блоги, кулинарные фрагменты в художественной литературе, гастрономическая реклама, кулинарные программы. К лексическим особенностям кулинарных блогов на испанском языке следует отнести употребление специальной кулинарной терминологии, использование заимствованных слов, которые напрямую связаны с гастрономией. К синтаксическим особенностям испаноязычных кулинарных блогов использования императивных конструкций и сослагательного наклонения, а также использование предложных личных местоимений с целью добавление экспрессивности. Кулинарные блоги на испанском языке могут быть изучены глубже, чем было это представлено в данной работе. В качестве перспектив можно обозначить описания особенности первых и вторых блюд, десертов, алгоритмов приготовления, а также коммуникативные стратегии блогеров и комментарии.

Список литературы

1. Бас Е. Что значит LOL, ROFL и другие акронимы интернета. URL: https://sylru.turbopages.org/syl.ru/s/article/176476/new_chto-znachit-lol-rofl-i-drugie-akronimy-interneta (дата обращения: 12.05.2022).
2. Большой испанско-русский словарь. URL: <https://es-ru-big-dict.slovaronline.com/> (дата обращения: 12.05.2022).
3. Галичкина Е.Н. Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках: дис. ... канд. филол. наук. Астрахань, 2001.
4. Горина Е.В. Дискурс интернета: определение понятия и методология исследования // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 11 (41): в 2-х ч. Ч. II. С. 64-67.
5. Грибовод Е.Г. Дискурс / Е.Г. Грибовод. Дискурс-Пи. 2013. Т.10. №3. С. 118–119.
6. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
7. Кулинарный блог “Anna Recetas Fásiles”. URL: <https://www.annarecetasfaciles.com/> (дата обращения: 13.05.2022).
8. Кулинарный блог “Resetas de Laylita”. URL: <https://www.laylita.com/> (дата обращения: 13.05.2022).
9. Кулинарный блог “Las Recetas de MJ”. URL: <http://www.lasrecetasdemj.com/> (дата обращения: 14.05.2022).
10. Лазуткина Е.В. Особенности коммуникационной модели блогов // Вестник Ставропольского Государственного Университета. 2010. № 66. С. 201–207.
11. Олянич А.В. Презентационная теория дискурса: монография. Волгоград: Парадигма, 2004. 507 с.
12. Ребекка Блад. Блоги и их влияние на политику и бизнес. Интервью [электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий. 25.07.2007. URL: gtmarket.ru/library/articles/1319 (дата обращения: 11.05.2022).
13. Ушаков А.А. Интернет-дискурс как особый тип речи // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2. Филология и искусствоведение. 2010. №4. С. 170–174.
14. Diccionario Etimológico Castellano En Línea. URL: <http://etimologias.dechile.net/> (дата обращения: 16.05.2022).

УДК [811'38;42:791.242.221.2]=161.1.

**СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ КОМИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА В ОРИГИНАЛЕ И ПЕРЕВОДЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ СИТУАЦИОННОЙ КОМЕДИИ “BRASSIC”)**

Мороз З. О.

Научный руководитель: Бармина Е. А.

**INSTRUMENTS OF CREATING A COMIC EFFECT IN THE ORIGINAL AND
TRANSLATION (BASED ON THE SITUATIONAL COMEDY “BRASSIC”)**

Zlata O. Moroz

Scientific advisor: Evgenia A. Barmina

АННОТАЦИЯ. В данной статье проводится сопоставительный анализ средств создания комического эффекта в оригинале и переводе на материале британской ситуационной комедии “Brassic”. Актуальность исследования связана с многообразием средств создания комического эффекта и сложностью его передачи в процессе перевода, также востребованностью аудиовизуального перевода. Анализ показал, что наиболее частотными средствами в данном комедийном сериале оказались риторические вопросы,

повторы, аллюзия и графон.

Ключевые слова: комический эффект, аудиовизуальный перевод, риторический вопрос, повтор, аллюзия, графон, “Brassic”.

ABSTRACT. This article suggests a comparative analysis of the means of creating a comic effect in the original and translation based on the material of the British situational comedy “Brassic”. The relevance of research is explained by the variety of means of creating a comic effect and the complexity of its rendering in the process of translation, as well as by the demand for audio-visual translation. The analysis results show that the most common means of rendering a comic effect in “Brassic” series include rhetorical questions, repetition, allusion, and graphon occur.

Keywords: comic effect, audio-visual translation, rhetorical question, repetition, allusion, graphon, “Brassic”.

К настоящему времени написано много научных работ, рассматривающих проблему сохранения комического эффекта при аудиовизуальном переводе фильмов и сериалов. Однако в отечественном переводоведении данная проблематика разработана недостаточно.

Комический эффект создается при помощи определенных средств, которые использует автор. При переводе необходимо учитывать особенности средств создания комического эффекта в исходном и переводящем языке. На данный момент не существует общепризнанной и единой классификации, которая включает в себя все существующие средства создания комического эффекта [1, с. 74]. Помимо этого, многие исследователи называют одно и то же средство разными терминами.

В исследовании вопроса о передаче средств создания комического эффекта мы взяли за основу классификацию В.З. Санникова, так как она является наиболее полной. Он утверждает, что комическое – это отступление от нормы, нечто необычное. В своем исследовании он рассматривает языковые единицы в игре слов и строит собственную классификацию средств, которые помогают создать комический эффект [7, с. 13–457]:

1) Фонетические средства. К ним относится аллитерация, обыгрывание интонации с отражающей ее пунктуацией и паронимия.

2) Графические, орфографические и пунктуационные средства. Среди них можно выделить игру графики, орфографии и пунктуации. Намеренное нарушение правил, устранение интервала между словами и особое графическое оформление текста создает комический эффект. Также, в текстах могут обыгрываться сокращения.

3) Морфологические средства. Морфология обладает большими возможностями для создания комического эффекта. Сюда относятся обыгрывание устаревших аффиксов, игра с опущением частей слова, употребление некорректных лиц, времени и вида, обыгрывание иноязычных основ.

4) Синтаксические средства. Особое внимание уделяется служебным словам, порядку слов и интонации. Выделяют нарушение управления словами, обыгрываются предикативные, номинативные и автономные языковые единицы, наблюдается ограничения синтаксической сочетаемости. Парцелляция и нагромождение синтаксических конструкций также является средством создания комического эффекта.

5) Средства на словообразовательном уровне. Переосмысление таких частей речи, как существительное, прилагательное, а также префиксация, суффиксация, контаминация, создание новых слов и включение в середину слова другого, имеющего отрицательное значение, является основой для создания комического эффекта. Помимо этого, выделяется обыгрывание соотношения имени собственного и нарицательного. От имени собственного образуется имя нарицательное, и, наоборот: от нарицательного имени образовывается имя собственное.

6) Лексические средства. Языковая шутка чаще всего строится с помощью лексических средств. Например, В. З. Санников выделяет обыгрывание многозначных слов, сочетание разнотильных синонимов, нагромождение синонимов, перефразирование, игра

слов на омонимии. Одним из ярких средств создания комического эффекта считается обыгрывание фразеологизмов. Он включает в себя замену некоторых составляющих слов на синонимы, изменение синтаксиса фразеологизма или его усечение. Помимо этого, часто можно встретить обыгрывание поговорок.

7) Семантические средства. Комический эффект строится на нарушении масштаба времени и пространства, противопоставления одушевленного неодушевленному.

8) Прагматические средства. Среди данных средств выделяют смешение художественной и обыденной речи, переосмысление состава участников разговора, псевдовопросы, уклончивые ответы, коммуникативная неудача, противоречия, преувеличения, парадокс и доведение до абсурда.

9) Стилистические средства. К ним относятся эвфемизмы, понятие «обыденного» и специального, когда смешиваются регистры и стили речи. Также, комический эффект строится благодаря использованию иноязычных выражений и слов, грубо-просторечных слов, лексических ошибок, диалектизмов и жаргонизмов.

Аудиовизуальный перевод представляет собой перевод мультимедийных текстов на другой язык. Из-за этого зритель переносится в другую культуру [13, с. 13]. Отличительной чертой аудиовизуального перевода от других типов, является передача содержания через слуховой и зрительный каналы и различные виды кодов, которые синхронизируются с тем, что изображено на экране [12, с. 145]. Таким образом, аудиовизуальный перевод – перевод вербальных компонентов с одного языка на другой, которые содержатся в аудиовизуальных произведениях [5].

Так как переводчик работает только над речевым уровнем фильма, информация, заложенная в саундтреке или изобразительном ряде, остается неизменной, что может вызывать у зрителя недопонимание. Кроме того, переводчик сталкивается с проблемой передачи социальных и культурных метафор и аллюзий, которые знакомы и понятны зрителю оригинальной версии. Для решения этой проблемы приходится прибегать к опущениям или адаптации для русскоязычной аудитории.

Комический эффект теряется при переводе нецензурной лексики. Исследователи отмечают, что нецензурные слова в английском языке звучат не так грубо, как в русском. Именно из-за этого комичность некоторых фрагментов оригинала стирается [8, с. 22].

Переводчик должен обладать эрудированностью и знанием современных языковых реалий. Помимо этого, ему следует чувствовать язык и уделять одинаковое внимание вербальным и невербальным средствам выражения [4, с. 135].

Из-за различий языковых, психологических и социальных аспектов исходного и переводящего языка, переводчик сталкивается с трудностью подбора соответствия. К тому же, всё восприятие информации зрителем происходит мгновенно [6, с. 56]. Для этого при работе с кинопереводом важно учитывать связь изображения и текстового материала, ведь временные рамки звучания ограничивают текст.

Нередко переводчики сталкиваются с проблемами технического характера: монтажный лист неполный, нужно переводить диалоги, восприятие которых на слух затруднено из-за погони, ссоры, разговора шепотом и т.д.

В дополнение к вышеперечисленным проблемам профессионального характера, можно добавить личностное качество, которым должен обладать каждый переводчик комедийных фильмов – чувство юмора. Именно благодаря нему перевод будет выполнен с сохранением комического эффекта.

Для того чтобы рассмотреть средства создания комического эффекта в современных ситуационных комедиях (ситкоммах), мы проанализируем ряд фрагментов британского ситкома «Голяк» (англ. *Brassic*) о компании друзей, которая зарабатывает на жизнь мелкими кражами [3]. Мы сопоставим переводы двух студий: «Гоблин» и «Кубик в кубе» [2].

Гоблинский перевод, автором которого является Дмитрий Пучков, стал популярен после перевода «Властилина колец», «Южного парка», «Матрицы», «Звездных воинов» и т.д.

Данная студия занимается разработкой одноголосого дубляжа и отличается точностью и качеством перевода.

Создателями студии перевода и двухголосого дубляжа «Кубик в кубе» являются Руслан Габидуллин и Ольга Кравцова. Отличительной чертой данной студии считается то, что переводы создаются мгновенно, что дает возможность зрителям быстрее познакомиться с иностранными сериалами, не дожидаясь более качественного перевода. Однако, в начале 2021 года, создатели студии объявили, что они прекращают работать над нелегальной озвучкой сериалов. Теперь студия будет официально сотрудничать только с интернет-сервисом о кино «Кинопоиск» [10].

Одним из наиболее частотных средств создания комического эффекта в ситкоме «Голяк» являются риторические вопросы. Обратимся к примерам.

Vinnie, do you think she wrote it beyond the grave?

Do I? Bloody hell, you lunatic.

Комический эффект строится здесь на риторических вопросах. В оригинале один из персонажей интересуется происхождением полученного письма. Студия «Гоблин» сохраняет вопрос: *Винни, как думаешь, она его из могилы писала?*. Такой же метод использует студия «Кубик в кубе» и переводит: *Винни, думаешь она написала мне из могилы?*. Далее в оригинале следует риторический вопрос *Do I?*. Студия «Гоблин» переводит фразу с междометием «ага» и использует грамматическую трансформацию добавления «из-под земли». Студия «Кубик в кубе» сохраняет риторический вопрос, но прибегает к объединению со следующим предложением “*you lunatic*” и переводит данную фразу «Ты что, совсем дурачок?».

Еще один пример риторических вопросов с применением приема доведения до абсурда:

What are they drawn too? A flame? It's not a flame. Is it a flame? Stupid pricks. Do they not burn themselves all the time? No wonder they are like that?

Данный фрагмент представляет размышления одного из персонажей о природе и действиях мотыльков, а повторяющиеся риторические вопросы носят нелогичный и абсурдный характер. Студия «Гоблин» переводит *Ну, к чему там их влечет? К огню? Да нет. Серьезно? И как они только не обжигаются?*, а «Кубик в кубе» – *Что там их влечет? В пламя? Да не может быть. Что, правда? О-о-о, они ж погорят все. Вот чего они такие.* Обе студии сохраняют нарушение логической нормы, именно риторические вопросы усиливают комический эффект.

Выразительным средством создания комического эффекта является использование повторов:

Labels man. Labels. Labels. Labels.

В данном фрагменте мы наблюдаем прием повтора. Студия «Гоблина» прибегает к обобщению и не делает акцент на повторах: *Это всё ярлыки*; студия «Кубик в кубе» вводит риторический вопрос, который выражает раздражение и сохраняет повторы: *Что за ярлыки? Ярлыки-ярлыки-ярлыки.*

Рассмотрим еще один пример использования повторов в качестве средств создания комического эффекта:

Tell him to go and and get Chinese Dan.

Get Chinese Dan.

Go and and get Chinese Dan.

В данном фрагменте повторы усиливают эмоциональное состояние персонажей. *Go and get Chinese Dan* в оригинале повторяется три раза. Студия «Гоблин» переводит: *Скажи ему позвать китайца Дэна* и *Зови китайца Дэна*, а студия «Кубик в кубе» предлагает вариант *Пусть позовет китайца Дэна* и *Позови китайца Дэна*.

Часто комический эффект в ситкомах строится на аллюзиях. Это может вызывать некоторые трудности при переводе, так как они могут являться частью культуры страны, которая неизвестна русскоязычному зрителю.

Unit 51. That's where the Americans keep their extraterrestrial aliens.

That's area 51. It's highly classified.

В данном фрагменте мы наблюдаем аллюзию *Area 51* – это секретная военная база США. Комический эффект достигается при использовании неправильного названия объекта, ведь вначале его называют “*Unit 51*”. «Студия Гоблина» предлагает вариант «*Секция 51*» в качестве неправильного названия, а «Кубик в кубе» – «*Юнит 51*». Обе студии затем используют правильный вариант названия реалии – «*Зона 51*». В целом, данная аллюзия известна широкому кругу зрителей и при переводе не приходится прибегать к масштабным трансформациям.

Рассмотрим еще один пример:

I said I was seeing a girl called Meghan.

Meghan? How very royal.

Один из персонажей ситкома «Голяк» просит свою подругу пойти с ним вместе на свадьбу и притвориться его девушкой с другим именем – Меган. Комичность создают слова “*How very royal*”. Данным пример является аллюзией на герцогиню Сассекскую Меган Маркл. Обе студии перевели идентично: *Очень по-королевски*. Никакие трансформации не потребовались, так как для русского зрителя эта реалия хорошо знакома и комический эффект очевиден.

Однако не всегда сохранение в переводе аллюзии ведет к сохранению комического эффекта, так как она может быть незнакомой для другой культуры:

Here they are, The Famous Five.

There's six of us, Jim.

Well, the Famous Six then.

В данном примере рассматриваемая аллюзия “*The Famous Five*”, которую обе студии переводят «знаменитая пятерка», хотя принятый вариант перевода – «*Великолепная пятерка*». Это серия детских детективных книг английской языке писательницы Энид Блайтон. Комический эффект достигается не за счёт аллюзии, а благодаря изменению названия на “*the Famous Six*”, так как персонажей, с которыми сравнивают, шестеро.

Частотным средством создания комического является графон [9]:

So it's win... win... Three wins.

Особенностью речи одного из героев является заикание. В оригинальной озвучке персонажи обсуждают вопрос того, куда им деть краденые вещи. Перед переводчиками стоит задача передачи произношения персонажа, а также сохранение комического эффекта. Студия «Гоблина» передает заикание персонажа фразой *Ситуация – бес...бес...бес... беспроигрышная. Трижды беспроигрышная*, графон и комичность сохраняются. «Кубик в кубе» использует тот же прием графона *Ср-р-ра-зу т-т-три три плюса*.

Анализ показал, что наиболее частотными средствами создания комического эффекта в данном сериале являются риторические вопросы – 23%; повтор – 18%; аллюзия и графон – по 10%. Так как ситком «Голяк» связан с незамысловатым сюжетом, который рассчитан на усредненную аудиторию, то аллюзии относятся к реалиям, которые понятны каждому зрителю из данной целевой аудитории. В переводе комический эффект удалось передать за счет сохранения данных средств.

Изучение особенностей передачи комического эффекта с английского языка на русский является важным аспектом переводческой деятельности, например, при работе с аудиовизуальными произведениями. Перспективность дальнейшего исследования обусловлена увеличением числа иноязычных ситкомов. Итоги исследования могут быть использованы для подготовки теоретического и практического материала в сфере аудиовизуального перевода.

Список литературы

1. Виноградова В.Н. Стилистический аспект русского словообразования. М.: Книжный дом Либроком, 2011. 183 с.
2. «Голяк» / Кинопоиск URL: <https://www.kinopoisk.ru/series/1236393/> (дата обращения: 16.05.2022).
3. «Голяк»: Сериал о гопниках в лучших традициях брит крайма и Кена Лоуча / Кинопоиск. URL: <https://www.kinopoisk.ru/media/article/4002233/> (дата обращения 15.05.2022).
4. Горшкова В.Е. Перевод в кино: дублирование vs субтитры // Вестник. 2006. № 7. С. 132–140.
5. Довольнова А.А., Самарин А.В. Киноперевод как особый тип аудиовизуального перевода // Студенческий форум: электронный научный журнал. № 11 (32). 2018. URL: <https://nauchforum.ru/journal/stud/32/36992> (дата обращения: 13.05.2022).
6. Жуланова Е.В. Возможности передачи и восприятия культурной специфики комического дискурса в условиях киноперевода // Вестник. 2014. №3. С. 54–60.
7. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Просвещение, 2002. 552 с.
8. Снеткова М.С. Особенности перевода художественных фильмов с испанского языка на русский / Международный молодежный научный форум «Ломоносов – 2007»: Материалы XIV Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». Москва, 2007. С. 22–23.
9. Учебный словарь стилистических терминов. URL: <https://stilistics.academic.ru/228/%D0%B7%D0%B5%D0%B2%D0%B3%D0%BC%D0%B0> (дата обращения: 14.05.2022).
10. Шахова А. Легально работать приятнее [электронный ресурс] // Секрет фирмы. URL: <https://secretmag.ru/news/legalno-rabotat-priyatnee-studiya-kubik-v-kube-otkazalas-ot-piratskoi-ozvuchki.htm> (дата обращения: 16.05.2022).
11. Cambridge Dictionary / Cambridge University Press, 2020. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 13.05.2022).
12. Díaz Cintas J. Audiovisual Translation: Language Transfer on Screen. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2009. 272 p.
13. Remael A. Audiovisual translation. John Benjamins Publishing Company, 2010. P. 12-18.

УДК [821.111-92:340.113]=030.161.1'42

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

Ястрембский П.В.

Научный руководитель: Руденко Н.С.

SOME ASPECTS OF TRANSLATING LEGAL LEXEMES IN PUBLISIST TEXTS

Pavel V. Yastremskiy

Scientific advisor: Natalia S. Rudenko

АННОТАЦИЯ. Данная статья посвящена проблематике перевода юридической терминологии в современных англоязычных публицистических текстах. Исследование включает в себя описание особенностей публицистических текстов, содержащих юридические термины, определение закономерностей передачи правовых терминов на русский язык и практический анализ их перевода. Для решения задач исследования использовались методы сравнения и сплошной выборки. Проанализированы два типа

юридической лексики: специальная, к которой относятся юридические термины, и общеупотребительная. Данные анализа позволяют заключить, что наиболее частотными способами перевода юридической лексики на русский язык являются эквивалентный перевод, калькирование, описательный перевод или замена одного понятия другим, подходящим по контексту без искажения передаваемой информации.

Ключевые слова: юридический перевод, юридическая лексика, юридический дискурс, публицистический текст, способы перевода.

ABSTRACT. This article deals with the issues of translating legal terminology in contemporary English-language publicistics. The research includes a description the typical traits of publicist texts containing legal terms, identification of particular patterns in rendering legal terms into Russian and an analysis of a sampling of such terms. The methods used in this research include comparative analysis and a random sampling technique. The legal lexemes under analysis occur to fall into two types: specialized lexemes or legal terms proper and generally used lexemes. It has been revealed that in the original publications under analysis and their translations into Russian, the most frequently used techniques include: equivalent translation, loan-translation, descriptive translation or replacement of one concept with another appropriate to the context without distorting the information rendered.

Key words: legal lexis, legal discourse, publicist text, translation techniques.

На сегодняшний день, пресса остается средой активного функционирования терминологической лексики, поскольку на ее страницах освещаются самые разнообразные проблемы общественной жизни. К тому же, языку средств массовой информации свойственно привлечение юридической лексики из различных областей юриспруденции, что связано с широким тематическим диапазоном статей. На страницах современных изданий ежедневно можно найти новые статьи, посвященные как политическим коллизиям настоящего времени, так и обзору событий в области применения права, проблемы перевода которых не получает должного освещения в лингвистической литературе, связанной с вопросом перевода юридической лексики в СМИ, что обуславливает актуальность данного исследования.

Цель исследования заключается в том, чтобы проследить особенности перевода на русский язык юридической лексики из англоязычных публикаций, связанных с юридической тематикой, которые вышли в недавнее время в таких изданиях как “The New York Times”, “Wall Street Journal”, “Variety”, “Fox News”, “Reuters”.

Лексику принято традиционно разделять на два вида: специальную и общеупотребительную [7, с. 9]. Из этого следует, что лексические единицы языка, относящиеся к специальной лексике, выполняют функцию обозначения понятий, которые связаны с той или иной профессиональной сферой. Специальная лексика подразделяется на узкоспециальные термины и профессионализмы и относится к лексике ограниченного употребления [5, с. 171–191; 1, с. 9]. Юридические термины, которые входят в состав специальной лексики, являются наиболее используемыми юридическими лексическими единицами не только в официально-деловом стиле, но и в публицистическом, поэтому большое внимание мы уделим именно им.

В современной науке термины права делятся по характерным чертам на: общеюридические термины, распространенные во всех отраслях права (*act, violation, law*); отраслевые термины, присутствующий только в определенных областях права (*sovereignty, administrative responsibility, absenteeism*); межотраслевые термины, применяемые в двух или более отраслях права (*insanity, prosecute, bank guarantee*); термины, смежный с другими отраслями деятельности (*military commission, emancipation*).

Если говорить о разнице в восприятии юридической лексики в собственно юридическом дискурсе и в публицистическом дискурсе, то стоит отметить, что для юридической терминологии в специальных юридических текстах характерна эмоциональная

нейтральность, логичность и четкость, однозначность формулировок, что может вызвать у неподготовленного читателя когнитивные преграды к пониманию текста. В то же время в публицистическом тексте происходит варьирование содержания терминологических единиц. В этой сфере функционирования термины часто приобретают коннотации вследствие сочетания их со специфическим контекстом или со средствами общенародного языка, которые используются для создания эмоционально-экспрессивного эффекта. Информативная и воздействующая функции публицистического дискурса имеют свою специфику, которая включает в себя как оперативность донесения информации до читателя или слушателя, так и тот факт, что информация подается широкой аудитории публицистических источников, а не узкому кругу специалистов.

К переводу юридической лексики применяются различные виды лексических переводческих трансформаций, выделяемых В.Н. Комисаровым: перевод с помощью лексического эквивалента, калькирование, транскрибирование, транслитерация, перевод с помощью аналога, описательный перевод, приблизительный перевод, перевод путем создания переводческого неологизма [4, с. 25]. Главная проблема, которая встает перед переводчиком в процессе перевода юридической лексики – это выбор верного соответствия в языке перевода.

Рассмотрим несколько примеров того, как эту проблему решают переводчики-практики:

The rates of homicides, motor vehicle thefts, gun assaults and aggravated assaults rose year-over-year. Meanwhile, those related to drug offenses, larcenies, nonresidential burglaries, residential burglaries and robberies all decreased during the pandemic and during the year as a whole compared to 2019, analysts found (Fox News, 01.02.2021).

Количество убийств, похищений автомобилей, нападений с применением оружия и нападений при отягчающих обстоятельствах выросло по сравнению с показателями предыдущего года. Вместе с тем, по данным аналитиков, количество правонарушений, связанных с воровством в общественных местах, краж со взломом нежилых помещений, краж со взломом квартир и домов – статистика всех этих преступлений сократилась во время пандемии (Инфоцентр AfterShock, 03.02.2021).

Перевод юридических терминов, в частности перевод названий преступлений, производится с помощью эквивалентов: *homicides* – убийства, *motor vehicle thefts* – похищение автомобилей, *gun assaults* – нападения с применением оружия, *aggravated assaults* – нападения при отягчающих обстоятельствах, *nonresidential burglaries* – кражи со взломом нежилых помещений, *residential burglaries and robberies* – кражи со взломом квартир и домов. В то же время юридический термин *larceny* переведен описательно – правонарушения, связанные с воровством в общественных местах. Юридический термин *drug offenses* опущен в переводе данного фрагмента, но встречается далее в тексте оригинала и сохраняется и в переводе, где передается описательно – *преступления, связанные с наркотиками*.

The coronavirus pandemic, continuing incidents of police violence, and rising homicide and violent crime rates each pose massive policy challenges in their own right, but the interplay between them creates even more difficult decisions for policymakers,” states a report from the National Commission of COVID-19 and Criminal Justice (NCCCCJ) (Fox News, 01.02.2021).

Пандемия коронавируса, продолжающиеся инциденты, связанные с насилием со стороны полиции, растущее количество убийств и рост насильственных преступлений – все эти явления сами по себе представляют собой значительный вызов для полиции. А сочетание всех этих факторов создает еще более сложную проблему для принимающих решения политиков», – подчеркивается в докладе Национальной комиссии по Covid-19 и криминальной юстиции (National Commission of COVID-19 and Criminal Justice –NCCCCJ) (Инфоцентр AfterShock, 03.02.2021).

Юридические термины переводятся в данном примере с помощью эквивалентов: *homicide* – убийства, *violent crime* – насильственные преступления, *policymakers* – политики,

police violence – насилие со стороны полиции. Используется также калькирование: *incidents* – инциденты, *polisy* – полиция. В этом предложении употреблены имена собственные, которые удобнее перевести с помощью калькирования. При переводе названия организации *the National Commission of COVID-19 and Criminal Justice* переводчик использует устоявшееся и используемое во многих источниках соответствие – Национальная комиссия по Covid-19 и криминальной юстиции.

Рассмотрим еще несколько примеров:

Precise numbers on both arrests and dismissals nationwide are elusive amid the complicated patchwork of law enforcement agencies and the state, county or city prosecutors involved (The New York Times, 19.11.2020).

Точное число арестов и прекращенных дел по стране неизвестно из-за особенностей работы правоохранительных органов, прокуратур округов и городов (ИноСМИ, 20.11.2020).

Данный пример иллюстрирует метод эквивалентного перевода: *arrests* – аресты, *law enforcement agencies* – правоохранительные органы. Термин *dismissals* переведен с помощью добавления лексической единицы – прекращенные дела. Кроме того, заслуживает внимания перевод прилагательного *elusive* – неизвестно. Очевидно, в тексте оригинала это прилагательное имеет эмоциональную окраску, которая в переводе отсутствует.

Prosecutors have moved to dismiss 219 protest cases, said Josh Abner, the spokesman for the Jefferson County attorney. (The New York Times, 19.11.2020).

Прокуратура прекратила 219 дел в отношении участников акций протеста, как сказал Джош Эбнер (Abner), представитель окружного прокурора Джефферсона (ИноСМИ, 20.11.2020).

В данном предложении юридический термин *protest cases* переводится описательно «дела в отношении участников акций протеста», в дополнение к характеристике дел в перевод вводятся и участники правонарушения. К примерам эквивалентного перевода можно отнести: *spokesman* – представитель, *county attorney* – окружной прокурор. Соответствие *prosecutors* – прокуратура, сравнее регулярным, иллюстрирует прием смыслового развития.

Cases being reviewed involve incidents like breaking into stores or torching police vehicles (The New York Times, 19.11.2020).

На рассмотрении находятся дела о совершении таких правонарушений, как поджоги полицейских машин и проникновения со взломом в магазины (ИноСМИ, 20.11.2020).

Следующий пример начинается с грамматической трансформации *cases being reviewed* – на рассмотрении находятся дела. Мы также можем видеть, что термин *incidents* переведен эквивалентом «правонарушения», эквивалентами также переведены названия самих правонарушений: *breaking into stores* – проникновение со взломом в магазины, *torching police vehicles* – поджог полицейских машин.

Congress decides what is an impeachable offense, and if Democrats retake the House in November they will define 'high crimes and misdemeanors' (Wall Street Journal, 21.08.2018).

Конгресс решает, были ли нарушения настолько ужасными, чтобы начать процедуру импичмента. И если демократы получают большинство в Палате представителей после выборов осенью, именно они будут определять значение термина «тяжелые преступления» (ИноСМИ, 23.08.2018).

Термин *impeachable offense* переведен описательно, чтобы привлечь внимание читателя к тому, что есть вероятность того, что нарушение действительно ужасное и требует импичмента: «были ли нарушения настолько ужасными, чтобы начать процедуру импичмента». При переводе выражения *impeachable offense* мы также видим термины *impeachable* и *offense*, где первый переведен с помощью грамматической трансформации и лексического калькирования – импичмент, а второй – эквивалентом «нарушение». Калькирование используется для перевода таких терминов как *congress* – конгресс, *democrats* – демократы, а для англоязычного термина *high crimes* используется соответствие «тяжелое преступление», которое не совсем точно: словарное соответствие данному термину – «серьезные преступления и правонарушения». Стоит также отметить, что термин

misdemeanors опущен при переводе, а *the House* контекстуально переведено как «Палата представителей»

On returning to Russia in January, he was immediately arrested on a charge that his stay in Germany violated the terms of his parole from an earlier conviction. His jailing touched off protests across Russia (The New York Times, 11.08.2021).

В январе он вернулся в Москву и был немедленно арестован. Его обвинили в том, что находясь в Германии, он нарушил режим условного заключения, которое отбывал на основании вынесенного ранее приговора. Арест Навального вызвал волну протестов по всей России (ИноСМИ, 13.08.2021).

В приведенном выше примере мы снова наблюдаем эквивалентный способ перевода следующих терминов: *parole* – условное заключение, *conviction* – приговор, *jailing* – арест, *to be arrested* – быть арестованным, *to violate* – нарушать, *to touch off* – вызывать.

Prosecutors obtained the search warrants as part of an investigation into whether Rudy Giuliani broke lobbying laws when he was President Donald J. Trump's personal lawyer (The New York Times, 28.04.2021).

Прокуроры получили ордера на обыск в рамках расследования того, нарушал ли Джулиани законы о лоббировании в качестве личного адвоката президента Трампа (ИноСМИ, 29.04.2021).

Из приведенного примера рассмотрены следующие юридические термины: *prosecutors*, *search warrants*, *investigation*, *lobbying laws*, *president*, *lawyer*. Для перевода некоторых из них используется калькирование. В последнем выражении также используется эквивалент термина *law* – закон, кроме того, данный способ перевода применяется и для остальных правовых терминов: *prosecutor* – прокурор, *search warrant* – ордер на обыск, *investigation* – расследование, *lawyer* – адвокат.

The district court's expansion of public nuisance law allows courts to manage public policy matters that should be dealt with by the legislative and executive branches, Winchester wrote (Reuters, 10.11.2021).

Расширение окружным судом законодательства об общественных беспорядках позволяет судам управлять вопросами государственной политики, которые должны решаться законодательной и исполнительной властью», – написал Винчестер (Финансовая энциклопедия NESrakonk, 12.11.2021).

Как и в рассмотренном выше примере мы видим эквивалентный перевод *public nuisance law* – законодательство об общественных беспорядках, однако в данном случае юридический термин *law* переведен как «законодательство», а термин *public nuisance* – общественные беспорядки, что показывает стремление переводчика уйти от лексического повтора. Способ эквивалентного перевода используется при переводе юридического термина *court*: *district court* – окружной суд, *courts* – суды. Кроме того, аналогичным способом переведены термины *public policy* – государственная политика, *legislative branch* – законодательная власть, *executive branch* – исполнительная власть.

While the warrants are not an explicit accusation of wrongdoing against Mr. Giuliani, their execution shows that the investigation has entered an aggressive new phase. To obtain a search warrant, investigators must persuade a judge they have sufficient reason to believe that a crime was committed and that the search would turn up evidence of the crime (The New York Times, 28.04.2021).

Хотя выдача ордеров не является явным обвинением Джулиани в совершении правонарушений, проведение обысков по этим ордерам свидетельствует о том, что расследование вступило в новую активную фазу. Чтобы получить ордер на обыск, следователи должны убедить судью, что у них есть достаточные основания полагать, что было совершено преступление, и что обыск позволит найти доказательства преступления (ИноСМИ, 29.04.2021).

В данном примере мы вновь сталкиваемся с юридическим термином *search warrant* и его эквивалентом «ордер на обыск». Кроме того, с помощью эквивалента переведены

следующие термины: *accusation* – обвинение, *wrongdoing* – правонарушение, *investigation* – расследование, *investigators* – следователи, *judge* – судья, *crime* – преступление, *evidence* – доказательство. Термин *execution* заменен при переводе юридическим выражением «проведение обысков». Кроме того, используются клише, характерные для юридического дискурса: *sufficient reason to believe* – достаточные основания полагать, *a crime was committed* – совершено преступление.

Анализ переводов юридической лексики в публицистических текстах позволил определить, что одним из доминирующих способов перевода является поиск лексического эквивалента. Частотными способами перевода также являются калькирование, описательный перевод или замена одного понятия другим, подходящим по контексту и не искажающим передаваемую информацию.

Список литературы

1. Введенская Л.А. Риторика для юристов. Ростов-на-Д. : Феникс, 2002. 576 с.
2. ИноСМИ. URL: <https://inosmi.ru/> (дата обращения: 14.05.2022).
3. Инфоцентр AfterShock. URL: <https://aftershock.news/> (дата обращения: 13.05.2022).
4. Комиссаров В.Н. Практикум по переводу с английского языка на русский. М.: Высшая школа, 1990. 127 с.
5. Митрофанова О.Д. Научный стиль речи: проблемы обучения. М.: Русский язык, 1985. 128 с.
6. Финансовая энциклопедия NESrakonk. URL: <https://nesrakonk.ru/> (дата обращения: 16.05.2022).
7. Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика / М.: Просвещение, 1977. – 303 с.
8. Fox News. URL: <https://www.foxnews.com/> (дата обращения: 13.05.2022).
9. Reuters. URL: <https://www.reuters.com/> (дата обращения: 16.05.2022).
10. The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/> (дата обращения: 14.05.2022).
11. Wall Street Journal. URL: <https://www.wsj.com/> (дата обращения: 12.05.2022).

ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 801.6:821.111Poe7The Raven.08

ОРКЕСТРОВКА И КОМПОЗИЦИЯ СТИХОТВОРНОГО ТЕКСТА: ЕЩЕ РАЗ О «ВОРОНЕ» ЭДГАРА ПО

*Бочкарев М.А.
Научный руководитель: Комуцци Л.В.*

POETIC ORCHESTRATION AND COMPOSITION: E.A. POE'S "THE RAVEN" REVISITED

*Maxim A. Bochkariov
Scientific advisor: Liudmila V. Komutstsi*

АННОТАЦИЯ. Фонетические средства стихотворного текста являются одним из самых хорошо изученных объектов поэтики и теории литературы. Тем не менее, в последнее время фонетический облик стихотворения становится источником новых интерпретаций, поскольку ему придается не только формообразующее, но и концептообразующее значение. В данной статье рассматриваются типы фонетических средств выразительности с позиций стилистики текста и делается комплексный анализ средств оркестровки в стихотворении Э. А. По «Ворон» с учетом ее значения для композиции, раскрытого самим поэтом в его теоретическом сочинении «Философия композиции». Анализ подтверждает смыслообразующую роль средств оркестровки, а его алгоритм может быть использован для интерпретаций концептуальной информации других стихотворных текстов.

Ключевые слова: фонетические средства выразительности, стихотворный текст, оркестровка, онomatопея, аллитерация, ассонанс, рифма, Э. По, «Ворон».

ABSTRACT. Phonetic devices of a poetic text comprise one of the most extensively studied objects of poetics and literary theory. Nevertheless, the phonetic shape of a poem remains a source of new interpretations, the more so in the recent decades, when it has been given not only a formative, but also a concept-forming significance. This article examines the phonetic means of expression from the perspective of text stylistics and suggests a comprehensive analysis of orchestration in E.A. Poe's poem "The Raven". The analysis emphasises its significance for the composition revealed by the poet himself in his seminal theoretical essay "The Philosophy of Composition", to confirm the idea of the semantic force of orchestration. The algorithm of analysis can be used for interpreting the conceptual information in other poetic texts.

Keywords: phonetic means of expression, poetic text, orchestration, onomatopoeia, alliteration, assonance, rhyme, E. Poe, The Raven

Разные формы текста использовались и исследовались человечеством с древних времен, однако интенсивное исследование данного лингвистического феномена началось во второй половине XX века [5, 7, 9]. Художественный текст при этом привлекал и до сих пор привлекает особое внимание представителей классических и новейших языковедческих дисциплин [1, 2, 3, 6]. Ю.М. Лотман утверждал с позиций семиотики, что любое произведение искусства является текстом, несущим особую, художественную, информацию: «если искусство – особое средство коммуникации, особым образом организованный язык, то произведения искусства – то есть сообщения на этом языке – можно рассматривать в качестве текстов» [6, с. 11].

Основной характеристикой художественного текста является сочетание в нем отражения объективного мира и авторского вымысла. Для такого текста естественный язык представляет собой лишь строительный материал. В художественном тексте жизненный

материал проходит через призму мыслей, чувств и ощущений определенного автора. Поэтому за изображенными картинами жизни всегда присутствует подтекстный, интерпретационный функциональный план, «вторичная действительность». Поэтический текст – особый способ организации речи, привносящий в нее дополнительное измерение художественной действительности и усиливающий значение содержательно-подтекстовой информации самой формой. В основе способности читателя вести «диалог» с лирическим героем лежит как эмоционально-психологическая настройка, так и общее понимание структурных параметров текста. Лингвостилистический подход предполагает наличие следующих уровней организации формы и содержания художественного, в частности, стихотворного текста [1, с. 25]:

1) Идеино-тематическое содержание – весь комплекс философских, нравственных, социальных, политических, психологических и других проблем, жизненных фактов и изображаемых событий, а также тех эмоций, которые эти факты и идеи могут вызывать у художника;

2) Композиция и система образов, в которых это содержание раскрывается: фабула, характеры, обстановка; на этом уровне происходит «компрессия» информации, полученной писателем в результате его личного жизненного опыта;

3) Лексическое и грамматическое выражение системы образов – речевые изобразительные и выразительные средства. На этом уровне происходит дальнейшая компрессия информации и ее кодирование;

4) Звучание текста и его графическое изображение.

Каждый предыдущий уровень оказывается содержанием последующего, а каждый последующий – формой для предыдущего. Все уровни существуют в единстве, и собственно языковые подуровни также находятся в иерархических взаимоотношениях, а их единицы – фонетические, лексические и синтаксические – выполняют специфические стилистические функции [4, с. 122]. Фонетические выразительные средства отличаются тем, что при чтении текста внимание сосредотачивается на них в первую очередь, так как звучание текста и его графическое изображение находятся на самом поверхностном уровне восприятия. Тем не менее, теория звуко-символизма доказывает, что звуки обладают собственным значением, отдельным от значения слова, что зачастую употребляется это для усиления эмоционального эффекта на читателя. Так, например, звук [d] производит мрачный, зловещий эффект, а [l], наоборот является выражением нежных и теплых чувств.

Традиционными фонетическими средствами выразительности являются ониматопея, аллитерация, ассонанс, ритм, метр и рифма. С их помощью создаются различные эффекты оркестровки – «музыкального аккомпанемента» текста, усиливающего его семантическое содержание за счет создания определенного тона и атмосферы, то есть способов эмоционального воздействия на читателя. Процессы читательского восприятия смыслов и аффектов происходят посредством восприятия языковых структур, то есть репрезентаций концептов – типов ментальных образов, «схваченных словами». Достаточно полную картину подходов к разным типам концептов охарактеризовала И.А. Тарасова с позиций когнитивной поэтики. Различая концепты обыденного и художественного сознания, исследовательница представляет модель последнего в виде полевой структуры с предметно-понятийным ядром (базовым чувственным образом-знаком универсально-предметного кода внутренней речи, описанным Н.И. Жинкиным) и обволакивающими его оценочным, образным, гештальтным, ассоциативным и символическим слоями [10, с. 41–42]. Структурными отличиями художественного концепта от обыденного, по мнению исследовательницы, являются в соотношении предметного и образного слоев, в наличии или отсутствии символического слоя, в стереотипности / уникальности образности и в значимости фонетической оболочки. Интересно, что именно фонетический, «музыкальный» облик «превращает художественный концепт в концепт поэтический» [там же, с. 42].

Эдгар Аллан По является тем поэтом-романтиком, который не просто понимал эмоционально-психологическую природу художественного образа и роль его звучания, но и

теоретически обосновал концепцию эстетического воздействия художественного произведения на читателя [11]. Главную цель поэзии По видел в достижении эффекта через эмоционально-психологическое воздействие на читателя, возбуждения в нем душевного волнения, трепета. Одним из наиболее действенных способов достижения такого эффекта По считал создание особого эмоционального тона за счет оркестровки – звуко сочетаний и повторов определенных звуков. Звуковая организация его стихотворений (включая ритм, метрику, рифму, рефрен и т.д.) находится в органичном единстве с образно-смысловым содержанием. По стремился найти в стихосложении новые средства – он экспериментировал с размерами и строфами, вплоть до математического подхода, высчитывал внутреннюю рифму, аллитерации, достигая ритмичности и музыкальности. Все частные принципы и средства организации стихотворения подчинены этому воздействию, которое сам автор называл «тотальным эффектом» (*totality effect*).

В эссе «Новеллистика Натаниела Готорна» Эдгар По сформулировал один из эстетических принципов, которого он неуклонно придерживался: «Если уже первая фраза не содействует достижению единого эффекта, значит, писатель с самого начала потерпел неудачу. Во всём произведении не должно быть ни одного слова, которое прямо или косвенно не вело бы к единой задуманной цели. Вот так, тщательно и искусно, создаётся, наконец, картина, доставляющая тому, кто созерцает её, чувство наиболее полного удовлетворения» [8]. Но главным его теоретическим сочинением является «Философия композиции», в которой он изложил принципы создания беспримесного художественного произведения и с математической рациональностью описал их «практическое применение» на примере стихотворения «Ворон». Одним из его принципов является «выбор тона», который зависит от впечатления, которое писатель собирается оказать. Для себя Эдгар По решает, что темой, оказывающей самое сильное впечатление на читателя, является «красота» – “the sole legitimate province of the poem”, а идеальным эмоциональным тоном для нее должна быть «меланхолия»: “Melancholy is thus the most legitimate of all the poetical tones” [11, p. 4, 5]. Художественной «изюминкой» – ключевой нотой, по которой должна строиться вся структура текста – для По стал принцип вариативной повторяемости, реализуемый лучше всего рефреном. В «Философии композиции» По так описывает поиск подходящего для рефрена слова: “That such a close (to each stanza – *M.B.*), to have force, must be sonorous and susceptible of protracted emphasis, admitted no doubt: and these considerations inevitably led me to the long o as the most sonorous vowel, in connection with r as the most producible consonant” [ibid., p. 6]. Словом, в котором оптимально реверберирует искомое звуко сочетание [or], соответствующее выбранному тону, стало, конечно, “Nevermore.” Затем был выбран персонаж, который должен был повторять это слово – ворон, в английском языке каркающий звуком “saw”. Образ ворона, вписывающийся в меланхолическую тональность стихотворения и придающий ему широкий спектр символических значений, стал центральным в поэме. По словам самого автора, ворон в стихотворении является символом «горестного и нескончаемого воспоминания». Художественный образ ворона основывается на фольклорных представлениях об этой птице как спутника смерти, символа мудрости и пророческого начала.

Рефренный повтор «каркающего» *nevermore* стал и структурным принципом организации всей композиции поэмы, включая ее замкнутое пространство и лирического героя – философа-романтика, который скорбит по своей возлюбленной. Художественное пространство стихотворения – его библиотека – рисуется через мрачные, таинственные элементы: старинные книги, камин, в котором тлеют угли, трепещущие пурпурные занавески, бархатная алая подушка, окна с решетками, бюст Паллады над дверью, ненастная декабрьская полночь – самое мрачное время суток. Повествование начинается с того, что неназванный рассказчик сидит за чтением фолианта. Стук в окно ворона, занесенного непогодой, прерывает его мрачные размышления, и герой впускает его в дом. Начинается странный диалог героя с птицей, что позволяет автору варьировать тональность и смысловые модуляции слова-рефрена *nevermore* от полукомических до устрашающих и трагически

безнадежных. По словам поэта, частый повтор этого слова вместе со «зловещей репутацией» ворона, каркающего его, должен был провоцировать героя на вопросы, поначалу забавляющие его, но постепенно порождаемые суеверием, надеждой, страхом, затем отчаянием и, главное, «наслаждением самоистязания», которое и становится психологическим принципом создания саспенса и кульминации [11, р. 7]. Таким образом, именно монотонный повтор меланхоличного звукового комплекса становится приемом организации сюжетно-содержательной структуры текста, кодирующей тему вечной и безнадежной психологической борьбы человека с причиной своих мук и с самим собой.

Данный музыкально-тонический композиционный принцип поддерживается звуковой организацией всего текста. С самого начала поэт создает атмосферу мрачной таинственности с помощью оркестровки. Ономотопея – повторы звуков [s], [w], [fl] – имитируют шуршание занавесок, звуки ветра, хлопанье крыльев: “... *And the silken, sad, uncertain rustling of each purple curtain...*”, “...*Open here I flung the shutter, when, with many a flirt and flutter...*” [12].

Аллитерации передают целый спектр переживаний лирического героя. Повторы звука [d] в ниже следующих строках рассчитаны на усиление мрачного мистического настроения, создаваемого всей поэмой: “...*Deep into that darkness peering, long I stood there wondering, fearing, / Doubting, dreaming dreams no mortal ever dared to dream before...*”. Аллитерации на [t], [p] и [r] имеют ту же функцию, добавляя к атмосфере мрака такие эмоции как скука, тоска, тревога или страх перед неизвестностью “...*While I nodded, nearly napping, suddenly there came a tapping, / As of some one gently rapping, rapping at my chamber door. / ‘Tis some visitor,’ I muttered, ‘tapping at my chamber door –’*” [12].

Чтобы передать грусть, сожаление, уныние и мрачность По использует повторы звуков [s], [l] и [o]: “...*Eagerly I wished the morrow; vainly I had sought to borrow / From my books surcease of sorrow – sorrow for the lost Lenore*”. Повторы звуков [l], [i] и [t] в следующих строках выражают беспокойство и страх “...*Thrilled me – filled me with fantastic terrors never felt before; / So that now, to still the beating of my heart, I stood repeating...*” [12].

В следующем отрывке аллитерация на звуки [s], [k], [l] и [o] передает чувства страха, тоски, одиночества и неизбежности, а повтор звуков [s] и [w] напоминает шепот, который описывается в этой части стихотворения: “...*But the silence was unbroken, and the stillness gave no token, / And the only word there spoken was the whispered word, ‘Lenore?’*”. Настойчивая аллитерация на звук [g] в следующей строке суггестирует страх и ненависть героя к ворону: “...*What this grim, ungainly, ghastly, gaunt, and ominous bird of yore...*” [12].

Ассонанс в виде повтора ударных гласных звуков тоже широко использован в данном стихотворении: “...*Tell this soul with sorrow laden if, within the distant Aidenn, / It shall clasp a sainted maiden whom the angels name Lenore – / Clasp a rare and radiant maiden whom the angels name Lenore...*” [12]. Светлый образ умершей возлюбленной передан здесь эпитетом «*radiant maiden*», несущим огромную экспрессивно-эмоциональную нагрузку. Осуществление его стилистической функции поддерживается целой конвергенцией приемов; важную роль среди них на фонетическом уровне играет ассонанс в виде многократных повторов дифтонга [ei].

Другим ярким примером ассонанса может послужить первая строка последней строфы, где повторяется звук [i]: “...*And the Raven, never flitting, still is sitting, still is sitting...*”. Ассонанс в сочетании с параномазией *still – sitting*, аллитерацией взрывных согласных звуков [s] и [t] и лексическим повтором усиливает эффект конвергенции приемов. Следует отметить, что параномазия – образное сближение схожих по звучанию слов при частичном совпадении морфемного состава – играет важную роль в концовках нескольких строф поэмы. Сопоставление слов *raven* и *never* в “*Quoth the Raven ‘Nevermore’*” является приемом выдвижения, усиления образа ворона как символа смерти и обреченности.

Это поэтическое произведение По – эксперимент в области строфики, рифмы, ритма. Он впервые в мировой поэзии вводит «внутреннюю» рифму: в каждой строфе его поэмы начальная строка содержит такую внутреннюю рифму: *dreary – weary, remember – December, uncertain – curtain* и т.д. В третьей строке каждой строфы внутренняя рифма сочетается с

концевой и к тому же имеет пару в середине следующей, четвертой строки; в результате получается тройной повтор одной и той же рифмы: “*Then, upon the velvet sinking, I betook myself to linking / Fancy unto fancy, thinking what this ominous bird of yore...*” [12]. При этом первая и третья строки, имеющие внутреннюю рифму, не рифмуются между собой, чем вносят неожиданный диссонанс, зато все остальные строки имеют общую концевую рифму: *before – Lenore – Lenore – more, ashore – implore – implore – Nevermore* и т.д.

В той или иной форме рифма в поэме Э. По господствует в каждой из строф, создавая удивительную «текущую» мелодию (“the force of monotone”), словно переливающаяся из фразы в фразу. При этом во всех строфах доминирует одна рифма: *door – bore – yore – store – Lenore – more – Nevermore*, образующая протяжную мелодию, похожую на стон или тяжкий вздох. По использует здесь как прием аллитерации, так и ассонанса: доминирующий долгий звук [o:] сочетается с сонорными звуками [l], [n], [r], [m], усиливающими воздействие рифмы на читателя своей усиленно звучащей минорностью.

Таким образом, фонетическая организация стихотворения «Ворон» играет важнейшую роль не только в создании его тона и атмосферы, как принято считать. Поэт рационально выбирает минорную тональность и принцип повторяемости доминантного звука [or] в ключевом слове-рефрене. Рефрен, в свою очередь, организует всю композицию текста, в том числе сюжетную, пространственную и тематическую. Оркестровка, выстраиваемая с помощью многочисленных аллитераций, ассонансов, ономотопии, внутренних и кольцевых рифм, метроритмической вариативности, выполняет не только аккомпанирующую функцию, управляющую эмоциями читателя, но и семантическую, способствующую восприятию темы и идейного содержания в направлении, максимально приближенном к специфическому авторскому замыслу. В частности, этот замысел диктовался психологической природой мировосприятия Э. По, в котором прекрасное заметно окрашено некрофильскими и мазохистским оттенками. Именно повтор ключевого слова-рефрена в постоянно обновляемых контекстах позволяет поэту варьировать его эмотивно-экспрессивные и символические оттенки, тем самым подтверждая одно из основных положений стилистики художественного текста о способности языковых знаков к приращению смысла в его структуре.

Список литературы

1. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык. М.: Флинта, 2002. 384 с.
2. Бабенко Л.Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика. М.: Флинта: Наука, 2005. 496 с.
3. Виноградов В.В. Стилистика, теория поэтической речи. М.: Наука, 1963. 256 с.
4. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1958. 460 с.
5. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 138 с.
6. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. 384 с.
7. Новиков А.И. Семантика текста и формализация. М.: Наука, 1983. 215 с.
8. По Э.А. Новеллистика Натаниела Гортон // Эстетика американского романтизма. Составитель: А.Н. Николюкин. / Перевод З. Александровой. М.: Искусство, 1977. С. 122-131.
9. Сахарный Л.В. Человек и текст: две грамматики текста // Человек. Текст. Культура. Екатеринбург: Институт развития регионального образования, 1994. С. 115–121.
10. Тарасова И.А. Когнитивная поэтика: предмет, терминология, методы. М.: НИЦ ИНРА-М, 2019. 166 с.
11. Poe E.A. The Philosophy of Composition (1846) [электронный ресурс]. URL: <https://pdcdoras.webs.ull.es/fundamentos/PoeThePhilosophyOfComposition.pdf> (дата обращения: 13.07.2022).
12. Poe E.A. The Raven (1845) [электронный ресурс] // Poetry Foundation 2022. URL: <https://www.poetryfoundation.org/poems/48860/the-raven> (дата обращения: 17.07.2022).

УДК 821.111

**СИНТАКСИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ ПОТОКА СОЗНАНИЯ В РАССКАЗЕ ВИРДЖИНИИ
ВУЛЬФ «ПЯТНО НА СТЕНЕ»**

*Добында Д.Г.
Научный руководитель: Комуцци Л.В.*

**SYNTACTIC DEVICES OF THE STREAM OF CONSCIOUSNESS IN VIRGINIA
WOOLF'S SHORT STORY "THE MARK ON THE WALL"**

*Daria G. Dobynda
Scientific advisor: Liudmila V. Komutstsi*

АННОТАЦИЯ. Целью данной работы является анализ стилистических средств и повествовательных техник в рассказе Вирджинии Вульф «Пятно на стене». Основной метод исследования – стилистический анализ синтаксиса с привлечением методов нарративного и контекстуального анализа. В работе характеризуется художественный текст как лингвостилистическое явление и повествовательная структура. Анализируется рассказ Вирджинии Вульф «Пятно на стене» в аспекте его художественного метода и системы синтаксических приемов, включая парцелляцию и апозиопезис, имитирующих поток сознания. Анализ текста показывает, что данные приемы играют заметную роль в писательской технике В. Вульф, формируя два плана повествования – внутренний монолог с «туннелями видения», который показывает разные стороны сознания героини, и диалог, который возвращает читателя в настоящее истории.

Ключевые слова: художественный текст, нарративно-речевая структура, парцелляция, апозиопезис, поток сознания, Вирджиния Вульф, «Пятно на стене».

ABSTRACT. The purpose of this paper is to analyze the stylistic devices and narrative techniques in Virginia Woolf's story "The Mark on the Wall". We are using the method of stylistic-syntactic analysis and some tools of the narrative and contextual types of analysis. The article follows the tradition of viewing the literary text as a linguo-stylistic phenomenon and a narrative-discursive structure. The paper characterizes the literary text as a linguistic phenomenon and a narrative structure. Virginia Woolf's story "The Mark on the Wall" is analyzed in the aspects of her artistic method and the system of syntactic techniques, including parcellation and aposiopesis which are imitating the stream of consciousness. Text analysis indicates that these techniques play a prominent role in Woolf's writing technique, creating two narrative levels – an internal monologue with the "tunnels of vision" displaying various dimensions of the character's consciousness, and the dialogue, which brings the reader back to the here-and-now of the story.

Keywords: literary text, narrative-discursive structure, parceling, aposiopesis, Virginia Woolf, stream of consciousness, "The Mark on the Wall".

Исследователи британской малой прозы, кажется, не проявляют большого внимания к малой прозе Вирджинии Вульф, считая этот аспект ее творчества менее интересным по сравнению с её романами. Мы не можем согласиться с таким подходом. Изучение коротких рассказов английской писательницы позволяет определить вектор движения новеллистического жанра в первой половине XX века и, в частности, формирование техники потока сознания самой Вульф. Мы рассмотрим синтаксические приемы в рассказе «Пятно на стене», который был напечатан в июле 1917 года в качестве первой публикации издательского дома Хогарт Пресс, основанного Леонардом Вульфом и Вирджинией Вульф.

Мы исходим из понимания художественного текста как лингвостилистического явления, определенного И.Р. Гальпериным: «Текст – это произведение речетворческого процесса, объективированное в виде письменного документа и состоящее из названия

(заголовка) и ряда особых единиц (сверхфазовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической и стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку [1, с. 138].

Вслед за И.Р. Гальпериным, В.А. Кухаренко представляет структуру художественного текста как единство трех составляющих [3, с. 292]:

- содержательно-фактуальной информации (СФИ) – информации о событиях, времени и месте действия, а также об участниках, то есть сюжет текста;
- содержательно-концептуальной информации (СКИ), идеи автора;
- содержательно-подтекстовой информации (СПИ).

Исследовательница полагает, что весь процесс интерпретации текста сводится к поискам средств выражения концепта, то есть к поискам СКИ и СПИ, и каким бы ни был характер содержательно-фактуальной информации, автор всегда подчиняет ее выражению главной идеи или концепта произведения.

Н.К. Ильина изложила свое видение модели построения некоторых рассказов Вульф, которую можно представить в виде цветка, чья сердцевина – это мысль-магнит, маячащая на краю сознания, памяти, а лепестки – витки других мыслей, отталкивающихся от первоначальной и к ней возвращающихся [4, с. 59]. Рассказ «Пятно на стене» прекрасно иллюстрирует это явление, так как он фактически «расцветает» из точки во времени, момента, когда рассказчица замечает черное пятно на стене и задумывается о его природе, при этом случайные воспоминания уводят ее мысль в сторону, но она неизменно возвращается к загадке пятна, которое оказывается улиткой. Изображение работы сознания основывается здесь на психологическом принципе свободных ассоциаций или ассоциативной памяти: те или иные впечатления ассоциативно вызывают определенные воспоминания. При этом используемый Вульф метод воспроизводит движение нескольких рядов мыслей: один ряд связан с происходящим в настоящий момент, другие ряды – цепочки воспоминаний, ассоциативно связанные с первым. Таким образом, важной особенностью повествования в рассказе «Пятно на стене» является взаимопроникновение внешнего и внутреннего миров персонажа, когда каждая мысль героини о произошедших событиях в её «внешней» жизни находит отражение в её «внутреннем» мире.

Принцип свободных ассоциаций порождает цепочки мыслей – одну, связанную с «внешним» миром, вторую – связанную с воспоминаниями. Их сцепления делают целостным восприятие героиней окружающего мира. Эту «игру сознания» писательница технически воплощает с помощью создаваемых ею новаторских техник письма, если говорить точнее, с помощью переходов внутренних монологов в поток сознания и периодических возвращений в реальность с помощью диалогов.

Рассказ повествует о воспоминаниях героини, о её первом «знакомстве» с пятном на стене, а по мере повествования мы наблюдаем, как героиня уходит в свои воспоминания, философские размышления и рассуждения: *How readily our thoughts swarm upon a new object, lifting it a little way, as ants carry a blade of straw so feverishly, and then leave it ...* [9, p. 1].

Героиня рассуждает о греческой Трое, о ботанике, деревьях и лугах, и находит блаженство и некую негу в своих мыслях и размышлениях, не желая их прерывать тем, чтобы просто встать и подойти к пятну поближе, чтобы его рассмотреть: *I might get up, but if I got up and looked at it, ten to one I shouldn't be able to say for certain; because once a thing's done, no one ever knows how it happened ...* [ibid.]. *I understand Nature's game her prompting to take action as a way of ending any thought that threatens to excite or to pain* [ibid., p. 3].

Рассказ заканчивается тем, что другой персонаж, сидящий с героиней в одной комнате, прерывает её мысли фразой о том, что сходит за газетой и будто бы невзначай добавляет: *All the same, I don't see why we should have a snail on our wall* [9, p. 4], тем самым возвращая героиню «с небес на землю».

Воссоздание потока сознания, памяти, восприятия человеком окружающего мира – прием, которым пользовались и другие писатели-модернисты. Вирджиния Вульф в своих коротких рассказах отработывала свою индивидуальную технику модернистского письма,

стремясь передать особые «моменты видения» и «туннели памяти», с помощью которых поток мыслей ее героинь, отталкиваясь от видимых объектов реального мира, переходит в воспоминания о важных событиях прошлого. Технику «прокладывания туннелей памяти» Вульф, работая над «Миссис Дэллоуэй» в 1923 году, называла своим главным открытием [8, р. 272]. Писательница определяла эту технику как рассказ о прошлом через деталь: герой может сфокусировать своё внимание на каком-нибудь предмете в комнате, как это делала героиня рассказа «Пятно на стене», и в его сознании тут же всплывает воспоминание, вызванное этим предметом, и уже далее сознание делает его новым центром нарратива.

Термин «поток сознания» (stream of consciousness) был введён в психологию (и литературу) американским философом Уильямом Джеймсом [2]. Поток сознания – это приём, благодаря которому читатель как бы подслушивает мысли героев, незаметно проникает в их сознание. Вирджиния Вульф воплощает с его помощью свою идею о неповторимости «раз минувшего сознания», указывая на постоянные, непрерывные перемены в мыслях героев: «наша чувственная восприимчивость постоянно изменяется, так что один и тот же предмет редко вызывает у нас прежнее ощущение. Чувствительность наша изменяется <...> она различна днем и ночью, зимой и летом, в детстве, зрелом возрасте и в старости <...> каждая отдельная мысль о каком-нибудь предмете <...> уникальна» [2, с. 1]. Эти уникальные мысли, не несущие в себе морализаторства, и становятся главным предметом изображения героев В. Вульф.

Техника изображения «моментов видения» (visions) используется и современными авторами [7, р. 112]. Вирджиния Вульф ввела несколько метафор, принятых в современном литературоведении: «моменты бытия», «моменты видения» (*moments of being, moments of vision*). Кроме них, она писала о «маленьких повседневных чудесах», «распускающихся цветочных бутонах», «вспышках спичек во тьме» [8].

В рассказе происходит постоянный переход внутренних монологов в поток сознания и периодические возвращения в реальность с помощью диалогов. Приемы апозиопезиса и парцелляции в этих переходах играют заметную роль.

Парцелляция является явлением динамического аспекта предложения. Это стилистический приём, состоящий в сегментации части простого сложного предложения с разной структурой (с сочинительной или подчинительной связью) [5, с. 86]. Приём парцелляции воздействует на сенсорный опыт читателя, пробуждая его воображение. Намеренно обрывая повествование, писательница дает читателю возможность самостоятельно домыслить недостающие фрагменты и образы, которые изначально были заданы в тексте произведения. *What now takes the place of those things I wonder, those real standard things? Men perhaps, should you be a woman; the masculine point of view which governs our lives, which sets the standard, which establishes Whitaker's Table of Precedency, which has become, I suppose, since the war half a phantom to many men and women, which soon, one may hope, will be laughed into the dustbin where the phantoms go, the mahogany sideboards and the Landseer prints, Gods and Devils, Hell and so forth, leaving us all with an intoxicating sense of illegitimate freedom if freedom exists...* [9, р. 2].

Здесь героиня размышляет о традициях и порядках, многие из которых уже устарели и приносят обществу дискомфорт: *“and habits like the habit of sitting all together in one room until a certain hour, although nobody liked it”* [ibid.]. Примечательно здесь то, как выражена субъективность словосочетаниями “I wonder”, “should you...”, “I suppose”, “one may hope” – Вульф не претендует на истинность в высшей инстанции, а лишь выражает свое субъективное мнение о мужском взгляде на мир, подтверждая, что то, что казалось незыблемым, с течением времени устаревает и уступает свое место новому.

Героиня резюмирует, что в конечном итоге мужские ценности окажутся на свалке вместе со всем ненужным хламом, после чего у общества останется чувство свободы. Важно заметить и то, что в конце она снова задается вопросом о том, существует ли вообще это понятие – «свобода», но оставляет вопрос без ответа, давая возможность читателю ответить на него самому.

Кроме парцелляции, в стиле письма В. Вульф важную роль играет апозиопезис (фигура умолчания). Апозиопезис – это намеренное уклонение от доведения высказывания до конца [6, с. 110]. Апозиопезис маркирует нерешительность, страх или намеренное нежелание героя завершить начатую мысль. Функция данного приёма заключается в том, чтобы повысить эмоциональность и напряжённость высказывания и направить рефлексия читателя к постижению концептуального содержания рассказа.

Рассмотрим один пример: *There will be nothing but spaces of light and dark, intersected by thick stalks, and rather higher up perhaps, rose-shaped blots of an indistinct colour dim pinks and blues which will, as time goes on, become more definite, become I don't know what...* [9, p. 2].

Первое, что привлекает внимание читателя – большое количество запятых, которые расчлняют поток мысли героини на небольшие фрагменты, подобно кусочкам паззла добавляющие новые нюансы, новые краски к картине. Она рассуждает о красках и оттенках, перебирая их возможные вариации и сочетания, однако предложение заканчивается многоточием. Это обрывание мысли побуждает читателя развить абстрактную, неточную, но при этом наполненную яркими образами и эпитетами мысль героини. Фраза “*become I don't know what...*”, заканчивающая предложение, намекает на то, что героиня будто бы и хотела продолжить свою мысль и уйти в лабиринты своего сознания, но вовремя остановилась, задумалась и в конечном итоге вернулась к пятну на стене: *And yet that mark on the wall is not a hole at all. It may even be caused by some round black substance ...* [9, p. 1]. Предложение, следующее дальше, это подтверждает. Тем самым Вульф не только привлекает внимание читателя к своей мысли, но и приводит к самым размышлениям о жизни и смерти, побуждая задуматься о смысле существования. И что при этом важно, автор дает читателю свободу для его собственных мыслей и рассуждений, которые, тем не менее, идут в направлении авторского замысла.

Комплекс названных выше приемов создает их конвергенцию, задерживая внимание читателя на определенном фрагменте текста и направляя его мысль в «нужном» автору направлении. В данном фрагменте конвергенция поддерживается приёмами парцелляции и апозиопезиса.

Итак, техника потока сознания в анализируемом тексте заключается в использовании приемов парцелляции и апозиопезиса там, где сюжетное повествование останавливается и включается изображение работы индивидуального сознания героини, то есть когда В. Вульф открывает туннель памяти героини и изображает моменты ее визионерства (moments of vision). Эти моменты переходов отмечены синтаксически парцелляцией и фигурами умолчания.

Таким образом, важной особенностью повествования в рассказе «Пятно на стене» является взаимопроникновение внешнего и внутреннего миров персонажа, когда каждая мысль героини о произошедших событиях в её «внешней» жизни находит отражение в её «внутреннем» мире. Другой особенностью повествования является принцип свободных ассоциаций, когда цепочки мыслей – одна, связанная с уже названным «внешним» миром, перекликается со второй цепочкой мыслей, связанной с воспоминаниями, – делают целостным восприятие героиней окружающего мира. Эти цепочки мыслей создают внутренний план изображения мыслей и впечатлений, а диалоги – внешний план сюжетного времени. Переходы от внутреннего монолога к потоку сознания, маркированные парцелляцией и фигурами умолчания, эмотивной лексикой и глаголами внутреннего состояния, которых нет в диалогах.

Анализ синтаксической структуры рассказа «Пятно на стене» показывает, что, создавая его и другие произведения малой прозы, В. Вульф экспериментировала с техникой модернистского письма, которая впоследствии сформировались в технику изображения «обычного сознания», которая ее прославила благодаря романам. Поэтому анализ её малой прозы важен для понимания процесса становления ее идиостиля.

Список литературы

1. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 139 с.
2. Джеймс У. Психология. Пер. с англ. Под ред. и с предисл. Л.А. Петровской. М.: Педагогика, 1991. 367 с.
3. Кухаренко В.А. Интерпретация текста. 4-е изд. М.: ФЛИНТА, 2019. 312 с.
4. Коврижина Я.С. Проза Вирджинии Вулф: интермедиаальный аспект: диссертация кандидата Филологических наук, Иваново, 2017. 219 с.
5. Сковородников А.П. О функциях парцелляции в современном русском литературном языке // Рус. яз. в школе. – М: Изд-во ООО «Наш язык», 1980. Вып. 5. С. 86–91.
6. Скребнев Ю.М. Очерк теории стилистики. Учебное пособие для студентов и аспирантов филологических специальностей. Горький: [б. и.], 1975. 175 с.
7. Beja M. Virginia Woolf: Matches Struck in the Dark // Beja M. Epiphany in the Modern Novel. Seattle: Univ. of Washington Press, 1971. P. 112–147.
8. Viola A. Fluidity versus Muscularity: Lily's Dilemma in Woolf's "To the Lighthouse" // Journal of Modern Literature Vol. 24, No. 2 (Winter, 2000-2001). P. 271-289.
9. Woolf V. The Mark on the Wall. Lenox, Massachusetts: HardPress Publishing, 2012. 24 p.

УДК 81'255.4-055.1/2

ГЕНДЕРНЫЙ ФАКТОР В ПЕРЕВОДЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Мотилова М.В.

Научный руководитель: Чалая Ю.П.

GENDER ASPECTS OF TRANSLATION OF THE LITERARY TEXT

Maria V. Motilova

Scientific advisor: Yuliya P. Chalaya

АННОТАЦИЯ. В данной статье проводится анализ «женского» и «мужского» перевода на трех различных уровнях: лексико-фразеологическом, стилистическом и синтаксическом. Выявление гендерных отличий на данных уровнях позволяет сделать выводы о типичных различиях в подходе к работе переводчиков-мужчин и переводчиков-женщин. Для их определения мы рассмотрели особенности мужского и женского речевого поведения, основные отличия между «мужским» и «женским» и проследили их в переводах и романа Мэри Стюарт «Хрустальный грот». Кроме того, в статье разграничиваются понятия «гендер» и «пол», а также названы проблемы, с которыми сталкиваются переводчики в процессе работы с художественным текстом.

Ключевые слова: гендерный фактор, «мужской» и «женский» перевод, художественный текст, Мэри Стюарт.

ABSTRACT. In this article we analyze the “female” and “male” translations at three textual levels, which are the lexical-phraseological, the stylistic and the syntactic ones. Identification of gender differences at these levels seems to reveal particular differences in the approaches of women and men translators. We examined the features of male and female speech behavior in order to identify these differences and analyzed such differences in the Russian translations of the novel “The Crystal Cave” by Mary Stewart. Furthermore, in the article we distinguish the concepts of “gender” and “sex” and characterize the typical problems, which translators have to face in the translation process.

Key words: gender factor, “male” and “female” translation, literary text, Mary Stewart.

В современной лингвистике гендерный аспект перевода относительно малоизучен. Если не обращать внимание на проявление гендерных характеристик – допущение прагматических ошибок неизбежно. В результате лингвистических исследований было выявлено, что в языке гендерные особенности проявляются на синтаксическом, лексическом, а также морфологическом уровнях. Согласно этому, гендер автора, переводчика и даже читателя могут влиять на процесс создания и перевода художественной литературы, а также на её восприятие. Следовательно, для того чтобы создать адекватный перевод, необходимо тщательно изучить влияние гендерного фактора на переводческий процесс.

Цель данной статьи – выявить основные отличия между «мужским» и «женским» переводом на материале романа Мэри Стюарт «Хрустальный грот».

Гендерные исследования считаются достаточно новой отраслью в изучении языка. В конце XX века благодаря проведённым исследованиям в данной области была создана отдельная наука, которая получила название – гендерная лингвистика. Гендерная лингвистика исследует различные особенности представления текста в зависимости от пола.

На сегодняшний день гендерный фактор считается социокультурным, дискурсивным, а также психолингвистическим явлением. Впервые данный термин был введён Джоном Мани в 1950-е г. для того, чтобы разграничить его с термином «пол». По его мнению, пол – это разделение людей по биологическим признакам на мужчин и женщин. Гендер же – это культурное, социальное, а также поведенческое обозначение биологических различий между мужчиной и женщиной. Хотя различия между понятиями «гендер» и «пол» очевидны, пол является неотъемлемой частью гендера [3, с. 53].

Влияние гендерного фактора на переводческий процесс имеет огромное практическое значение, так как если учитывать данный параметр, переводы будут более точными и близкими к оригиналу как на лексическом, так и на синтаксическом уровнях.

В книге «Основы деятельностной теории перевода» Н.Л. Галеева определила ряд проблем, с которыми сталкивается переводчик при переводе художественной литературы. Исследовательница полагает, что переводчик способен перевести любого рода текст, но для того, чтобы добиться хорошего результата нужно преодолеть определенные трудности [1]:

1. Безэквивалентная лексика – это отсутствие полных и частичных эквивалентов среди лексических единиц языка, на который осуществляется перевод. Для того, чтобы выполнить перевод качественно необходимо использовать различные методы и подходы.

2. Безэквивалентная грамматика – это тот случай, когда в тексте перевода не совпадают формы грамматических значений, с формами в исходном тексте. Но даже если переводчик совершает ошибки при переводе безэквивалентных грамматических единиц, чаще всего это никаким образом не влияет на само содержание художественного произведения.

3. Лакуна – элемент, который недопонимается или же полностью не понимается из-за существенных различий между языками. То есть, то, что для языка оригинала является реалией, для языка перевода – лакуной. Для того, чтобы решить данную проблему переводчики часто прибегают к использованию транслитерации, транскрипции или калькирования.

Сопоставительный анализ оригинала романа-фэнтези «Хрустальный грот» и его переводов на русский язык позволил определить гендерные различия в «мужском» и «женском» переводах этого произведения.

Рассмотрим проявления данных различий на лексико-фразеологическом уровне: *The sleeping bride shut in her bower* [6]. Переводчик С.П. Блюмхен переводит эту строку нейтрально: *Невесту, что в покоях спит* [4], в то время как А.С. Хромова использует добавление при переводе: *Лик юной девы в грезе страшной* [5]. Переводчица прибегает к более поэтическому переводу, используя архаизмы «лик», «дева», «грезы» поэтому её вариант перевода более выразительный. В данном примере на лексическом уровне мужская речь лаконична, а женская более экспрессивна.

Далее, в качестве примера рассмотрим предложение: *It was dark, and the place was*

cold, but he had lit a small fire of wood, which smoked sullenly but gave a little warmth [6]. Переводчик-мужчина переводит это предложение следующим образом: *Было темно, да вдобавок еще и холодно, поэтому он развел маленький костер из хвороста, лениво дымивший и почти не дававший тепла* [4]. Переводчик использует стилистически нейтральную лексику и в переводе придерживается оригинала. А.С. Хромова переводит данное предложение так: *Ночь была темная и холодная, и он развел небольшой костерок, который сильно дымил, но все-таки грел* [5]. Мы видим, что переводчица использует уменьшительно-ласкательный суффикс, «*small fire*» она переводит как «*небольшой костерок*», что и маркирует данный перевод как «женский».

Рассмотрим следующий пример: *I strained to hear. I had to hear* [6]. С.П. Блюмхен предлагает следующий перевод: *Я напряженно вслушивался. Мне следовало это слышать* [4]. Переводчик обращается к прямому значению слова «*strain*» – «*напрягаться*». А.С. Хромова предложила более образный вариант трактовки этого слова: *Я весь обратился в слух. Мне нужно было это услышать* [5]. Вместо одного слова, она предложила фразеологизм с похожим значением, но гиперболизирующим его первичное значение.

Далее рассмотрим следующее расхождение в переводах: *One day he took a book out of the box and unrolled it* [6]. С.П. Блюмхен переводит слово «*book*» согласно первому значению – «*книга*»: *Однажды он достал из ящика книгу и развернул ее* [4]. А.С. Хромова использует прием смыслового развития и переводит это слово как «*свиток*»: *Однажды он достал из сундука свиток и развернул его* [5]. Причина такой трансформации объясняется значением слова «*unrolled*», которое дословно переводится как «*развернул*». Речь идет о карте, которую Галапас развернул для того, чтобы учить Мерлина. Логично предположить, что она была в виде свитка. Слово *box* переводчики также переводят по-разному. В «мужском» переводе оно переведено как «*ящик*», а в «женском» как «*сундук*». По сюжетной линии, попав в пещеру Галапаса, Мерлин обнаружил там некую емкость с останками летучих мышей. Из его действий было понятно, что он ее открывал и закрывал. Таким образом, переводчик-мужчина использовал генерализацию, не уточняя в переводе, что за емкость, называя ее нейтральным словом «*ящик*». Переводчик-женщина продумала образ пещеры до мелочей, используя прием смыслового развития, подобрав эквивалент «*сундук*».

В следующем примере: *Safely enough* [6]. С.П. Блюмхен предложил такой вариант: *Да, без происшествий* [4]. А.С. Хромова: *По-моему, никто* [5]. Лексико-грамматическая замена была использована для передачи и усиления оттенка неуверенности в словах героини, что также является маркером гендерного порядка.

Рассмотрим проявление различий на стилистическом уровне. Разница в «мужском» и «женском» переводах заключается также в различном восприятии информации, и, как следствие – ее передаче. Различный подход к информации и построению разных образов виден в следующем примере. Оригинал: *They made music, he said, as they moved* [6]. Переводчик-мужчина представляет это так: *Когда они движутся, сказал он, то рождается музыка* [4]. Переводчик-женщина переводит следующим образом: *Галапас говорил, что, кружась в небе, звезды поют* [5]. Образ «*поющих звезд*» более романтизирован, чем образ звезд, «*создающих музыку*». Оба перевода полностью передают смысл оригинала, но делают это по-разному. Мужчина видит небо, как нотный стан, а женщина видит, как от звезд раздается их пение. Оба восприятия равноценны, но представляют интерес для анализа, так как демонстрируют когнитивную разницу в обработке информации.

Рассмотрим следующий пример: *Where in the world did you get that? You hear too much, whether you understand it or not. Forget such matters, and hold your tongue* [6]. С.П. Блюмхен предложил следующий перевод: *С чего ты это взял? Понимаешь ты это или нет, но ты слишком много слышишь. Забудь об этих делах и придержи язык* [4]. Слово сочетание *in the world*, часто употребляемое в художественных текстах с негативной экспрессивной окраской, переводчик передает относительно нейтрально: *С чего ты это взял?* А.С. Хромова предлагает более выразительный вариант: *Где ты этого набрался? Слишком много слушаешь, чего тебе не понять. Забудь все это и помалкивай* [5]. Во втором варианте

переводчица передает раздражение, с которым взрослые часто отвечают детям, задающим неудобные вопросы. Мужской вариант перевода отличается большей нейтральностью повествования. Женский вариант, несмотря на эмоциональность, использует эвфемизм и вместо часто употребляемых в художественных текстах вариантов, включающих в себя словосочетания «*черт подери*», использует предложение с похожим эмоциональным посылом.

В следующем примере: *What's he here for, I wonder?* [6]. С.П. Блюмхен предлагает следующий перевод: *Интересно, зачем он сюда приехал?* [4]. Все предложение он переводит нейтрально и допускает перестановку, поменяв две части предложения местами. А.С. Хромова в своем переводе придала предложению эмоциональную окраску: *Хотела бы я знать, зачем он явился?* [5]. Разница обусловлена тем, что переводчик-женщина передает общее настроение диалога.

Следующий пример: *It's no use, Galapas, you know everything* [6]. Это реплика Мерлина, когда он понял, что Галапас знает, что он делает в его отсутствие. Перевод С.П. Блюмхена: *Бесполезно скрывать. Галапас, ты все знаешь* [4]. Переводчик использовал членение предложения и добавил глагол «*скрывать*». При этом в остальном данный вариант остается максимально близким оригиналу. В переводе А.С. Хромовой читаем: *Это бесполезно, Галапас! От тебя ничего не скроешь* [5]. Переводчица также применяет членение предложения, но одно из предложений становится восклицательным. Она также добавила глагол «*скрывать*», но превратила второе предложение в отрицательное с помощью антонимического перевода. Таким образом она добавила эмоциональность и сделала речь персонажа более живой.

Вопрос “*What?*” [6], в отличие от С.П. Блюмхена, А.С. Хромова переводит с эмоциональностью: *Что-о-о?* [5] для того, чтобы лучше передать удивление матери Мерлина. Данный пример позволяет сделать вывод, что при подборе лексических средств женщина прибегает к эмоционально более выразительным вариантам, чем мужчина.

Далее рассмотрим различия между «мужским» и «женским» переводом на синтаксическом уровне. С. П. Блюмхен переводит фразу: *Is the war over, then?* [6] – *Значит, война закончилась?* [4], перевод А.С. Хромовой – *Значит, война кончилась, да?* [5]. Переводчица в данном предложении использует в переводе уточняющую частицу «*да*». На синтаксическом уровне в «женских» переводах часто употребляются частицы, междометия и вводные слова.

Рассмотрим пример: *Several times, restless, he had left the cave, and now he walked out below the cliff to the grove where his horse stood tethered* [6]. В переводе С.П. Блюмхена сохраняется изначальная целостность предложения: *Беспокоясь, он уже несколько раз выходил из пещеры, и сейчас вновь вышел из-под нависшей скалы и направился к роуце, где был привязан его конь* [4]. Несмотря на то, что переводчик задействовал перестановку, в данном примере видна особенность «мужского» перевода в четкости и лаконичности передаваемого текста. Вариант А.С. Хромовой: *Ему не сиделось на месте. Несколько раз он выходил из пещеры. Вот и теперь он спустился в роуцу под обрывом, где пасся стреноженный конь* [5] иллюстрирует модель «женского» перевода, так как переводчица использовала членение одного предложения на три коротких. При этом она использовала несколько лексических трансформаций, которые добавили тексту образности. Добавление соединительной частицы «*вот*» также характерная черта женского перевода.

Предложение *His head moved, and his breathing quickened* [6] наглядно демонстрирует прием смыслового развития, которое применили переводчики при работе над текстом. Рассмотрим перевод С.П. Блюмхена: *Он обернулся, задыхался чаще* [4]. Здесь примененная трансформация способствовала преобразованию предложения из сложносочиненного в простое, при этом немного огрубив его выразительность. В варианте А.С. Хромовой: *Юноша вскинул голову, дыхание его участилось* [5] – сохранились как синтаксис предложения оригинала, так и образность.

Рассмотрим следующий пример: *The grey horse paused in its grazing and lifted its head*

clear of the mist. Its nostrils flickered, but no sound came [6]. В переводе С.П. Блюмхена сохраняются и лексические, и синтаксические единицы с незначительными изменениями: *Серая лошадь перестала щипать траву и подняла голову из тумана. Пошевелила ноздрями, но не издала ни звука* [4]. А.С. Хромова объединила два предложения: *Серый конь перестал щипать траву и тоже поднял голову, дернул ноздрями, но не заржал* [5]. Если «мужской» перевод снова демонстрирует четкость и лаконичность, то «женский» его жертвует, чтобы поддержать общую выразительность повествования.

На сегодняшний день учёными доказано существование языковых гендерных различий, следовательно, понятие «гендер» является установленным научным фактом. Женский текст считается более оценочным, экспрессивным и логичным, чем мужской, в то время как мужской является более последовательным. При переводе женщина больше полагается на свои эмоции и эмоции автора, и вкладывает в свою работу гораздо больше чувств, чем мужчина. Поэтому женщины чаще используют восклицательные и вопросительные предложения. Мужчинам же более свойственна чёткость и лаконичность при передаче текста, а также использование стилистически нейтральных слов и однообразных лексических средств для передачи эмоций. Женщины гораздо реже используют четкие ответы в отличие от многих мужчин-переводчиков. Вместо этого переводчицам более присуще использование различных элементов, отражающих неуверенность, например, таких слов как: «возможно», «по-моему», «может быть», «вероятно». Что касается мужчин, они же в большинстве случаев употребляют модальные слова для того, чтобы выразить абсолютную уверенность в чём-то. На синтаксическом уровне переводчицы достаточно часто употребляют частицы, междометия и вводные слова. Также женщины достаточно часто используют эпитеты, гиперболы, сравнения, а также уменьшительно-ласкательные суффиксы.

Проведённое нами исследование показывает, что различия между «мужским» и «женским» переводами действительно существуют и проявляются на различных языковых уровнях. Однако данные различия не всегда прослеживаются. Ведь чтобы добиться качественного перевода как мужчины-переводчики, так и женщины-переводчики используют одинаковые приёмы перевода. Также различия в переводах могут проявляться в связи с разными возрастными категориями или социальным статусом, уровнем образованности или личностными качествами переводчика.

Переводчикам следует учитывать, что гендерный фактор оказывает немалое влияние на перевод текста.

Список литературы

1. Галеева Н.Л. Основы деятельностной теории перевода // Перевод – Теория и методика. Перевод художественный. Т.: ТГУ, 1997. 80 с.
2. Земская Е.А., Кутайгородская М.А., Розанова Н.Н. Особенности мужской и женской речи // Русский язык в его функционировании. М.: Наука, 1993. 219 с.
3. Кирилина А.В. Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации: Учеб. пособие для студентов вузов. М.: РОССПЭН, 2004. 250 с.
4. Стюарт М. Кристальный Грот [электронный ресурс] // Mybrary. URL: <https://mybrary.ru/books/fantastika-i-fjentezi/historical-fantasy/page-2-239408-meri-styuart-kristalnyi-grot.html#book> (дата обращения – 16.03.2023).
5. Стюарт М. Хрустальный Грот [электронный ресурс] // Knijky. URL: <https://knijky.ru/books/hrustalnyy-grot> (дата обращения – 16.03.2023).
6. Stewart M. The Crystal Cave // Books'Cool. URL: <https://www.bookscool.com/en/The-Crystal-Cave-323302/1> (дата обращения – 16.05.2020).

УДК 821.111Kelman.06/.08.

ИДИОСТИЛЬ ДЖЕЙМСА КЕЛМАНА

Уткина О.В.

Научный руководитель: Лобков А.Е.

THE INDIVIDUAL STYLE OF JAMES KELMAN

Olga V. Utkina

Scientific advisor: Alexander Ye. Lobkov

АННОТАЦИЯ. Изучение идиостиля писателя является неотъемлемой частью переводческого процесса, поскольку понимание художественного текста как целое в значительной мере зависит от авторских идей и художественного стиля. Целью данной статьи является рассмотрение художественных особенностей идиостиля современного британского писателя Джеймса Келмана на примере его романа “How Late it Was, How Late”. В процессе исследования были рассмотрены положения переводоведения, позволяющие выявить лингвостилистические особенности художественного произведения и авторского стиля, изучена биография и творчество писателя, а также определены характерные авторские приемы письма в романе Дж. Келмана “How Late it Was, How Late”. В результате исследования при помощи биографического, культурно-исторического и описательного методов были выявлены ключевые характеристики семантически сложного стиля Джеймса Келмана, заключающиеся в богатой образности, использовании нелитературного языка, специфического повествовательного ритма и использования техники изображенной речи.

Ключевые слова: идиостиль, Джеймс Келман, изображенная речь, постколониальная теория, шотландский национализм, шотландский ренессанс.

ABSTRACT. The study of the writer’s individual style is an integral part of the translation process, since the understanding of a literary text as a whole largely depends on the author’s personal ways of encoding his picture of the world. The purpose of this article is to reveal the typical traits of James Kelman’s individual style in his novel “How Late it Was, How Late”. In the course of research, we have followed important provisions of translation theory to identify the linguo-stylistic traits of the author’s style and, specifically, the figures of writing used in J. Kelman’s novel “How Late it Was, How Late”. In order to do so, we have used the biographical, cultural-historical and descriptive methods. The key characteristics of James Kelman’s semantically complex style include rich imagery, vernacular language, specific prose rhythm and an extensive use of free indirect discourse.

Key words: individual style, James Kelman, free indirect discourse, postcolonial theory, Scottish nationalism, Scottish Renaissance.

В свете коммуникативно-функционального подхода к переводу изучение тех особенностей текста, которые определяются личностью автора, его происхождением, местом жительства, национальностью, особенностями восприятия культуры, являются важной составляющей частью предпереводческого анализа, необходимого для осуществления художественного перевода. Исходя из этого, в современном переводоведении все более актуальным становится освещение вопросов идиостиля писателя. В этой связи В.В. Виноградов подчеркивает, что принципы и законы словесно-художественного построения образа автора следует искать в тексте самого художественного произведения, а постижение этого образа автора как «сверхкатегории» художественного произведения позволяет комплексно проанализировать художественный текст [3, с. 73]. Стилистический энциклопедический словарь русского языка дает следующее понятие идиостилю: «Идиостиль – совокупность языковых и стилистико-текстовых особенностей, свойственных

речи писателя, ученого, публициста, а также отдельных носителей данного языка» [2].

Из данного определения следует, что проблема изучения индивидуального стиля автора заключается в исследовании художественных приемов и средств выразительности, которые писатель использует для эффективного воздействия на сознание читателя, чтобы донести свою идею с большим результатом. Так, цель статьи заключается в рассмотрении идиостиля Джеймса Келмана на лексическом, фонетическом и синтаксическом уровнях текста. Материалом для исследования стал роман Дж. Келмана “How Late it Was, How Late”.

Джеймс Келман является одним из наиболее известных представителей так называемого «шотландского ренессанса» конца XX и начала XXI веков, чье творчество тесно связано с развитием постколониальной теории. В жанровом плане роман “How Late it Was, How Late” является урбанистическим романом, повествующем о нескольких днях из жизни ослепшего главного героя.

По мнению исследователей, Дж. Келман является «лучшим автором Англии», романы которого переведены на многие языки и удостоены множества наград, например: мемориальная премия Джеймса Тейта Блэка (1989), Шотландская книга года (2008), а также Букеровская премия (1994) [5, p. 13].

Джеймс Келман выступает ярким критиком капиталистического общества. Писатель, не надеясь на успешный исход непримиримого противостояния, чувствует себя одиноким во взглядах на существующий строй и видит безысходность положения простого народа, который ему близок [7, p. 496]. В связи с этим, мировоззрение Дж. Келмана пронизано пессимистическими настроениями, которые в его творчестве приобретают все углубленную и обостренную форму, что нашло отражение в тематике таких произведений, как «Тебе нужно быть осторожным в землях свободы» (“*You Have To Be Careful In The Land Of The Free*”), «Недовольство» (“*A Disaffection*”), «Мальчик Кирон Смит» (“*Kieron Smith, boy*”).

XX век в Шотландии характеризуется подъемом шотландского самосознания, связанный с политическими изменениями как в Шотландии, так и Великобритании. Данные события только способствовали нарастанию пессимистических воззрений Дж. Келмана, которые нашли свое отражение в романе “How Late it Was, How Late”, уважительно и трепетно относящегося к народу и языку, по его мнению, угнетаемому англичанами [9, p. 26]. Проблема социального неравенства, вопрос о шотландской идентичности и значения родного языка являются постоянными в произведениях Дж. Келмана. Так, в нижеприведенном примере устами главного героя выражена проблема классового неравенства и безразличия государства к бедным людям:

*But these sodjers man if ye’re no a f**king millionaire or else talk with the right voice, they dont give a f**k* [9, p. 4].

В следующем примере Дж. Келман критикует жестокость тюремных надзирателей, которые творят бесчинства на заключенными:

*Supposed to have died with a heart attack; twenty-seven years of age; the c**ts suffocated him, they sat on top of him then bounced up and down, big f**king screws, bouncing up and down on him...* [9, p. 31].

Роман Дж. Келмана «До чего ж оно все запоздало» оценивается критиками как «глазгианский» роман, как одно из наиболее резких произведений, написанных на нелитературном языке о жизни отрицательного героя. По мнению критика и публициста Джулии Нойбергер, данный роман лишь повествование об отрицательных качествах бывшего заключенного Сэмюэlsa, написанного на тюремном жаргоне с использованием коллоквиализмов [5, p. 12]. Согласно переводоведу И.В. Арнольд, коллоквиализмы – это лексика минимальной степени сниженности, которая используется в повседневном общении [1, с. 53]. В рамках художественного произведения коллоквиализмы могут выступать в качестве речевой характеристики персонажа, а также с целью передать устный характер речи повествования.

Несмотря на то, что вульгаризмы, коллоквиализмы и диалектизмы занимают в романе “How Late it Was, How Late” немало места, они представляют для автора не самоцель, а

играют служебную роль: они призваны разоблачить бюрократизм и угнетающего англичанина, всю его среду, низменность и вульгарность ее интересов.

Подобное разоблачение происходит путем воссоздания типичного для англичанина образа шотландца, таким образом низким кажется главный герой, а на деле – англичанин. Персонаж живет в атмосфере вечного обмана, лжи, продажности, подлости, всякого рода мошенничества и опасностей. Стоит отметить, что именно речь людей, издевающихся над главным героем, характеризуется им как красивая и правильная.

Так, в нижеследующем примере главный герой отрицательно характеризует одного из полицейских, который его жестоко избил:

Now he heard voices, one was kind of posh, English [9, p. 14].

Важно отметить, что автор активно пользуется коллоквиализмами с целью воспроизведения особенностей устного типа повествования. Учитывая тот факт, что роман должен читаться так, как будто его рассказывают в пабе, то есть неформальной обстановке, коллоквиализмы служат средством ее воспроизведения [12]:

*F**k it man he stuck it in his pocket, then felt for the fly on his trousers to make sure he wasnay hanging out* [9, p. 14].

Terrible depressions she got too, her downers could last for days [9, p. 23].

Особый интерес с переводческой точки зрения представляет большое число авторских неологизмов. Под неологизмами А.И. Гальперин понимает «любые новые словарные и фразеологические единицы, появившиеся в языке на определенном этапе его развития или обозначающие новые понятия» [4, с. 76]. Данные лексические единицы помогают писателю добиться большей образности, передать сарказм или выделить какую-то мысль, также передать оценочную характеристику писателя. В нижеприведенном примере неологизм, образованный при помощи конверсии, помогает создать эмфатический эффект на силе удара главного героя, а также добиться большей образности в сознании читателя.

*...a beautiful left cross man he f**king onered him one...* [9, p. 5].

В следующем примере неологизм в сочетании со сравнением создает комический эффект, который также основан на создании образа:

*A nose like a f**king dalsetter spaniel so she had – whatever the f**k that was man a dalsetter spaniel* [9, p. 57].

Как упоминалось ранее, образ маргинального человека является одним из ключевых в творчестве писателя. Данная доминанта воссоздается при помощи таких лексических единиц, как жаргонизмы и вульгаризмы. Это важные пласты лексики, используемые в художественных произведениях с целью речевой характеристики персонажей и воссоздания определенного колорита. Так, для характеристики главного героя как вора и бывшего заключенного в тексте использован воровской и тюремный жаргон:

Then they had him into the poky and it was more of the same [9, p. 6].

It would have took a ten stretch to know what they were all giggling about [9, p. 19].

В нижеприведенном примере вульгаризм также выступает в качестве речевой характеристики полицейского, создавая при этом отрицательный образ полицейского:

*A wee f**king d**kie bird?* [9, p. 214].

Как следует из примеров, жаргонизмы выступают не только в качестве социальной, но и речевой характеристики. Функцией жаргонизмов в данном романе также можно считать создание экзотического эффекта, поскольку повествование о маргинальном человеке не является типичным для литературных произведений.

Вульгаризмы являются слишком резкими и оскорбительными, поэтому считаются недопустимыми в литературном тексте. Следует уточнить, что в данном романе насчитывается более 4000 повторений слова и вариаций слова “f**k”. При этом принято считать, что подобная лексика не воспринимается англоязычным читателем также резко, как эквивалентные вульгаризмы в русском языке [4, с. 74].

Данные лексические единицы также служат являются своего рода «противостоянием» Дж. Келмана против литературных канонов. Данное противостояние заключается в том, что

свободный человек выражается в реальной жизни с использованием лексических единиц различного уровня сниженности, следовательно такая лексика может присутствовать и в художественном тексте, поскольку для писателя важно передать реальную сторону жизни.

Данная идея находит свое продолжение и в использовании диалектизмов. Важно отметить, что диалектизмы являются нейтральной лексикой для местных говоров, но эстетически сниженной по отношению к стандартизованному языку, в данном случае – английскому [1, с. 56].

Джеймс Келман преимущественно пишет с использованием слов из шотландского диалекта города Глазго. В своих интервью писатель сообщает, что впервые попробовал писать произведения таким образом в университете, а со временем использование диалекта в его творчестве лишь стало нарастать [12]. Эта особенность авторского стиля ярко выражена в романе “How Late it Was, How late”.

В рамках употребления диалектизмов в анализируемом произведении можно говорить о периодичности их появлении в тексте. Так, например, диалектизмы постоянно присутствуют во внутренней речи главного героя и изображенной речи, однако они пропадают, когда появляется прямая речь других персонажей. Использование в тексте диалектизмов, характерных только для жителей города Глазго, также создает экзотический эффект. Несмотря на то, что читатель может догадаться о смысловом значении данной лексической единицы, данный выбор слова не является типичным для англоязычного читателя. Стоит отметить, что передача данной функции является невозможной в переводе, поскольку переводчику важно передать смысл подобных лексем, а не происхождение. Так, в следующем примере приводится шотландский вариант предлога *in* [11], что не является характерной и легкоузнаваемой формой также и в стандартном английском языке.

Ben the kitchen he found a spoon... [9, p. 65].

Подобный экзотический эффект создается и в следующем примере. Глагол *to blooter* обозначает пребывание в стадии сильного алкогольного опьянения, однако данная лексическая единица характерна только для речи жителей Глазго:

Mind you but getting blootered, it would be one way of making it home [9, p. 45].

Следует отметить, что совместно с инверсией диалектизмы позволяет автору не только передать национальный колорит, но и создать ритмический рисунок., который прослеживается на протяжении всего произведения. Характерными стилистическими приемами для воссоздания ритма для Дж. Келмана являются аллитерация, повтор и параллелизм. Так, следующий пример демонстрирует явную взаимосвязь ритмической повторяемости звуков [ʃ, h, r, z] с семантикой образа. Автор вызывает у читателя явное представление о холоде, вызванном пробуждением на улице и холодным ветром, а также звуках толпы:

He shivered and hunched up his shoulders, shut his eyes, rubbed into the corners with his fingertips... [9, p. 1].

Следующий пример посредством аллитерации объединяет способы выражения чувств персонажей по отношению к ситуации (в данном случае к возлюбленной главного героя, обделяющей резким характером), выбор синонимической пары влияет на восприятие данного образа читателем:

Ach she would rant and rave [9, p. 22].

Аллитерация на звук [r] имеет высокую частотность в тексте романа. Это, вероятно, подтверждение агрессивности окружающей среды, нацеленной на удовлетворение собственных интересов. Помимо этого, дрожащий согласный r характерен для акцента города Глазго, поэтому аллитерация также служит стилистическим приемом с функцией создания национального колорита.

Стоит отметить, что в тексте романа “How Late it Was, How Late” наиболее частой является ритмическая повторяющаяся аллитерация на звуки [r, s, m, f, w, d, sh, s, z]. С психологической точки зрения общая консонантическая характеристика романа отражается в следующих значениях: агрессивность окружающей среды, холодность, фрустрация, страх.

растерянность, гнев и грусть главного героя.

В данном романе аллитерация часто встречается в устойчивых сочетаниях: “*rivers and forests*” [9, p. 7], “*rules and regulations*” [9, p. 239], “*facts and figures*” [9, p. 196], которые также придают повествованию ритмический окрас за счет своей парной структуры.

Другой важной особенностью идиостиля Джеймса Келмана является глубокий психологизм, благодаря которому писатель раскрывает внутренний мир героев и психологию человеческой мысли. Данная техника находит свое отражение в особом способе повествования – внутренней речи, популярной в XX веке в рамках модернизма.

В романе “*How Late it Was, How Late*” изображение внутреннего состояния главного героя, его мыслей, чувств и переживаний передается при помощи косвенно-прямой речи, а переходы от одного вида к другому виду речи практически незаметны. В косвенно-прямой речи авторский план повествования реализуется не только временными формами глагола и местоимениями 3-го лица, но и лексическими средствами:

He didnay even know what day it was. Jesus. The big mouth man he always had to blab. If that was him for another night [9, p. 7].

Помимо этого, Дж. Келман использует прием изображенной речи. И.Р. Гальперин определяет изображенную речь как «своеобразный способ передачи чужой речи, отличающейся от косвенной речи, и к авторскому изображению чувств, переживаний и мыслей персонажей в виде внутренней речи». Изображенная речь служит способом художественного изображения внутреннего состояния героя [4, с. 202]

В изображенной речи план героя реализуется синтаксическими средствами языка: инвертированным порядком слов в вопросительных предложениях, фрагментарностью высказывания, наличием эмоциональной окрашенности высказывания, выражаемой графическими средствами, умолчанием, обособлением и т.д.

*Till then he skidded on the pavement nearly falling and they were screaming Get the bastard! f**king get him! So angry! F**king hell man! Sammy was laughing, laughing – though it might have sounded like a snivel but he was laughing, definitely laughing – so pleased with himself, so f**king pleased!* [9, p. 5].

Изображенная речь по сравнению с косвенно-прямой речью более фрагментарна, непоследовательна, обрывиста. Она более эмоциональна, потому что выражает чувства и переживания главного героя. В изображенной речи находят свое типизированное, обобщенное выражение характерные черты внутренней речи, такая речь приобретает функцию коммуникации с читателем. Передавая мысли и чувства, она фактически является и авторской интерпретацией этих мыслей. Однако эти два плана повествования так тесно переплетены, что отделить один план от другого представляет большую трудность.

*Sammy smiled, he raised himself up and called: Hullo ya f**king bampot! How are you this bright and early morning! Is yer wee birdies f**king chirping! He laughed. Then turned onto his side, facing into the back of the settee, his head resting on the arm. More of a snigger than a laugh – in fact it wasnay even close to a laugh; it wasnay even a snigger it was a f**king snivel, it was a snivel; that was what he was reduced to man snivelling. F**k it* [9, p. 320].

В этом отрывке интересно проследить постепенный переход от авторского повествования к прямой речи, а затем переход авторского повествования в изображенную речь. Единственным пунктуационно выделенным переходом является переход к прямой речи. Несмотря на это, переход к изображенной речи также является ярко очерченным, поскольку появляется параллелизм, придающий речи эмоциональный характер, а также оценочные слова.

Анализ стилистических средств лексического уровня позволяет выделить те приемы, которые способствуют созданию образов, а также повышают экспрессивность речи и усиливают ее при помощи метафоры, гиперболы и т.д.

Значительный экспрессивный эффект достигается за счет метафоры и метонимии. Метафора и метонимия – это универсальные в своей основе способы переосмысления значения слов и перенесения наименования с одного денотата на другой, но в метафоре

перенос наименования осуществляется на основании сходства двух объектов, а в метонимии он осуществляется на основе смежности двух объектов [1, с. 72].

*Get us a quack so he can see how I am now to how I was afore you and yer **plainclothes rottweilers** got a f**king grip of me* [9, p. 20].

В данном примере с помощью метафоры автор достигает наибольшей экспрессивности и эмоциональной окраски в создании образа полицейских, которых Дж. Келман постоянно подвергает критике на уровне подтекста.

*The Blind Asylum but what a hell-hole that sounded, straight out some **Victorian f**king nightmare** in the name of christ ye could picture them all...* [9, p. 67].

В данном романе метафора является одним из средств создания мыслительного образа, которое позволяет автору точнее передать живую фантазию главного героя, а также создать сатирический эффект, выраженный далее в тексте.

Семантическую доминанту повествования составляют образы, связанные с тематикой зрения. Для воссоздания данной доминанты в романе активно используется метонимия:

*Then the **eye** vanished. A clever bastard* [9, p. 9].

Метонимия также используется для создания чувственных образов главного героя.

*Aye well as long as the **uniform** doesn't talk it doesn't bother me* [9, p. 305].

В данном примере главный герой не называет полицейских прямо, поскольку сама мысль о людях данной профессии вызывают у главного героя панические атаки, страх и агрессию. Так, Сэмми мысленно «дистанцируется» от неприятных ассоциаций.

Таким образом, метонимия активно используется не только для образного отображения фактов действительности, но и для, зрительно более ощутимых представлений об описываемом явлении, что особенно важно, учитывая тот факт, что, потеряв зрения, главный герой мыслит лишь образами и воспоминаниями, состоящими из них.

Еще одним средством передачи данной доминанты путем создания образности является сравнение. Помимо создания выразительного образа, необходимого для раскрытия мироощущения главного героя, сравнение также помогает создать комический эффект и передать национальный колорит:

*And at this time he's lying in the f**king poky, **blind as a f**king bat*** [9, p. 22].

В данном примере снова реализуется доминанта потери зрения. Данное сравнение заостряет внимание читателя на том, как важна для главного героя возможность видеть. Полное воссоздание данной доминанты улучшает восприятие и понимание текста целостного текста, поскольку каждый из образов влияет на понимание образности всего текста.

*Sometimes that was what the **bevy was like but a magic carpet*** [9, p. 45].

В данном случае сравнение используется для образного и эмоционально окрашенного описания образа жизни главного героя. Данное сравнение помогает передать мимолетность жизни и скоротечность моментов, что также помогает читателю понять, насколько пуста жизнь Сэмми.

Наряду с вышеперечисленными стилистическими средствами относительно часто встречается персонификация. В тексте романа персонифицируется природа, сознание, музыка. Чаще всего данное стилистическое средство используется, чтобы показать эмоциональную нагрузку и настроения главного героя, а также в качестве эмфазы:

*...the guy's dead, take them, better than **them** [leathers] just **sitting there** going to waste, disintegrating christ sake why no just take them* [9, p. 2].

В данном примере персонификация служит образным средством выражения эмоционального состояния главного героя, а именно раздражения. Стоит отметить, что данный стилистический прием в большинстве случаев используется в сочетании с другими стилистическими средствами. В данном случае эмфатический эффект достигается за счет употребления синонимического ряда:

*And that was the **bollocks** telling him, the auld bollocks man that was them telling him; f**k you and yer wanks, that was what they were telling him* [9, p. 79].

Как и в предыдущем примере персонификация употребляется вместе с другим стилистическим средством – параллельным повтором. Вместе с данным стилистическим средством персонификация помогает читателю заострить внимание на эмоциональном напряжении главного героя и его физической слабости.

Таким образом, идиостиль Дж. Келмана характеризуется высокой семантической сложностью. Все художественные приемы и стилистические средства служат изображению самосознания как художественной доминанты образа героя. Помимо этого, Дж. Келман создает в сознании читателя образ Глазго за счет разноуровневых единиц, в том числе диалектизмов. Передача данных доминант в переводе имеет большое значение для восприятия читателем целостности текста.

Перспективным представляется изучение способов передачи присутствующих в тексте доминант и стилистических приемов, способствующих созданию в сознании читателя определённых ассоциаций и образов и формированию целостности романа, в переводе на русский язык таким образом, чтобы на русскоязычного читателя производился тот же коммуникативный эффект.

Список литературы

1. Арнольд И.В. Стилистика английского языка. М.: ФЛИНТА, 2002. 384 с.
2. Баженова Е.А. Стилистический энциклопедический словарь. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/stylistic-dictionary/index.htm> (дата обращения 15.05.2022).
3. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М.: Академия Наук СССР, 1996. 256 с.
4. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. М.: Либроком, 2016. 380 с.
5. Boxall P. Kelman's Later Novels. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2010. 40 p.
6. Hames S. The Literary Politics of Scottish Devolution. Voice, Class, Nation. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2019. 336 p.
7. Hames S. The New Scottish Renaissance? // The Oxford History of the Novel in English. Oxford: Oxford University Press. 2016. Vol. 7. Pp. 494–511.
8. Homberg-Schramm J. "Colonised by Wankers": Postcolonialism and Contemporary Scottish Fiction. Cologne: MAP, 2018. 262 p.
9. Kelman J. How Late it Was, How Late. New York: W.W. Norton & Company, 1994. 373 p.
10. Miller M., Rodger J. The Writer as Tactician: James Kelman's Everyday Practice. Glasgow: Glasgow School of Art, 2012. 18 p.
11. *The Essential Scots Dictionary* / Edinburgh University Press, 2005. URL: <https://dsl.ac.uk/> (дата обращения 15.05.2022).
12. William F. Powers. A Pint of Scots, Neat // The Washington Post, 1995. URL: <https://www.washingtonpost.com/archive/lifestyle/1995/02/28/a-pint-of-scots-neat/ea8d955d-1fb7-4b8f-a62c-3493bba9c181/> (дата обращения 15.05.2022).

ПОЛИТОЛОГИЯ И ЭКОНОМИКА

УДК 339.97

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИННОВАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ И ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ДАННОЙ СТРАТЕГИИ ДЛЯ РОССИИ

Лоза С.В.

Научный руководитель: Медведкин Т.С.

TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF THE NATIONAL INNOVATION POLICY OF THE REPUBLIC OF KOREA AND ITS APPLICABILITY FOR RUSSIA

Svetlana V. Loza

Scientific advisor: Taras S. Medvedkin

АННОТАЦИЯ. За относительно короткое время Корея превратилась из отсталой сельскохозяйственной страны в одну из самых современных индустриальных экономик мира. Преобразование было подкреплено сильным, мобилизующим национальным видением, которое широко разделяется правительством, бизнесом и населением в целом. Концепция Корейской национальной инновационной системы (КНИС) возникла как инструмент достижения национальных целей, которые были скорректированы и реконструированы правительством. Национальная инновационная политика играет ключевую роль в стабильном экономическом развитии Республики Корея. Проблематика исследования состоит в рассмотрении основных тенденций и перспектив развития национальной инновационной политики в аспекте роста экономического роста страны. Степень решаемости проблемы предполагает разработку рекомендаций по стабилизации национальной инновационной политики и оценки возможности применения данного опыта в России.

Ключевые слова: инновация, национальная инновационная политика, экономический рост, стратегии развития, Республика Корея.

ABSTRACT. Korea has transformed itself from a backward agricultural country to one of the most industrialized economies in the world within a relatively short period. The transformation has been underpinned by a strong, mobilizing national vision that is widely shared by the government, business and the citizens. The concept of Korean national innovation system (KNIS) emerged as a tool of achieving the national goals, which were adjusted and redesigned by the government. National innovation policies have played a key role in the Republic of Korea's sustained economic development. The purpose of this article is to analyze the main trends and prospects of national innovation policy development in the aspect of the country's economic growth. The solvability of the problem implies a suggestion of recommendations for national innovation policy stabilization and an evaluation of the possibility to apply the Korean experience in Russia.

Key words: innovation, national innovation policy, economic growth, development strategies, The Republic of Korea.

Корея занимает уникальное геополитическое положение между двумя экономическими сверхдержавами, которые на протяжении всей своей истории представляли как возможности, так и угрозы. Важно принимать во внимание конкретные аспекты истории Кореи, геополитические особенности, а также культурные и институциональные характеристики при оценке текущего состояния инновационной системы и при определении

осуществимости политических ответов на новые вызовы и возможности. В настоящее время Корея переживает экономический кризис. Неустойчивость валового внутреннего продукта, которая показывает степень экономического роста, снизилась вдвое по сравнению с другими крупными странами. Однако в тот же период правительство неуклонно увеличивало инвестиции в исследования и разработки, ожидая, что дополнительные затраты могут предоставить больше возможностей для экономического роста. В этом исследовании делается попытка определить, привели ли инвестиции того времени к заметным результатам, путем анализа Корейской национальной инновационной системы (далее КНИС), использовавшегося со времен правительства Но, которое впервые построило НИС в качестве основы политики.

По проблемам, связанным с развитием концепции национальных инновационных систем, оценкой степени их эффективности, изучением ключевых факторов становления национальной инновационной системы как главного аспекта конкурентоспособного развития страны, разработки национальных инновационных стратегий написано много зарубежной и отечественной литературы. Среди зарубежных исследователей можно выделить работы Й.А. Шумпетера, К. Фримена, Р. Нельсона, Ф. Листа, П. Фишера, М. Портера, Ч. Эдквиста, Б.А. Лундвалля, К. Павита, С. Феинсона, Дж. Спилмана и других авторов. Концепция национальной инновационной системы Республики Корея также изучалась множеством исследователей.

Целью статьи является характеристика национальной инновационной системы Республики Корея как одного из факторов ее становления на международной арене и оценка возможности применения ее в России.

Когда Корея начала свою индустриализацию в начале 1960-х годов, это была типичная развивающаяся страна со слабыми ресурсами и производственной базой, небольшим внутренним рынком и большим населением, зависящим от иностранных держав в плане национальной безопасности. Ситуация в сфере науки и технологий была еще хуже. Было только два государственных научно-технических учреждения: Национальный оборонный научно-исследовательский институт, созданный сразу после окончания Корейской войны, и Корейский научно-исследовательский институт атомной энергии, основанный в 1959 году. На этой базе Корея инвестировала 5 млн. долл. США в НИОКР в 1964 году, что позволило трудоустроить не менее 5000 ученых и инженеров. Именно в таких условиях Корея начала свое движение к развитию науки и технологий и превратилась в одну из самых динамично развивающихся экономик мира [7].

Национальная программа НИОКР была запущена в 1982 году, и были предприняты различные действия для поощрения и облегчения частной деятельности в области НИОКР, включая налоговые льготы для инвестиций в НИОКР и развития рабочих. Некоторые из принятых ключевых шагов были разработаны для реализации общей стратегии правительства по привлечению фирм к международной конкуренции [1].

Правительство Но сначала приняло перспективу инновационной системы, чтобы создать новую основу для политики в области науки и технологий, которая оставалась субполитикой экономической политики. Делая упор на взаимодействии с участниками инновационных систем, правительство Но разработало политику от развития национальной стратегической науки и технологий до поддержки коммерциализации технологий для малых и средних предприятий (МСП). Правительство Ли, учрежденное в 2009 году, рассматривало КНИС как «скачок вперед к превращению в развитую страну (богатые люди, теплое общество, сильная нация)». В отличие от правительства Но, которое рассматривало науку и технологии с точки зрения интеграции в обществе, правительство Ли, руководствуясь принципом «маленькое правительство, большой рынок (дружественный бизнесу)», создало КНИС как центр, сосредоточенный на частном секторе. Было желательно, чтобы правительство играло ограниченную роль в исправлении сбоев рынка. Кроме того, была принята Инициатива 577, которая пропагандировалась с целью систематического продвижения политики в области науки и технологий. Основная цель Инициативы 577

заклучалась в том, чтобы общие инвестиции страны в НИОКР достигли 5% ВВП, а конкурентоспособность науки и технологий была повышена [8].

Правительство Пак Кын Хе, начало которому было положено в 2013 году, сформулировало национальную концепцию «открытия новой эры надежды с помощью творческой науки и технологий», которая предусматривала создание КНИС. В отличие от правительства Ли, которое имело пассивный подход к КНИС, правительство Пак Кын Хе продвигало концепцию инновационной системы и стремилось создать инновационную экосистему. Другими словами, в то время как предыдущие правительства использовали подход к разработке и развитию компонентов инновационных систем, правительство Пак использовало подход к активизации органической интеграции инновационных систем [9].

Правительство Пак уделяло особое внимание взаимодействию и взаимосвязям между компонентами. Это стало результатом диверсификации ожиданий в отношении инновационных результатов, основанной на сложности экономических и социальных вопросов, которые определяют инновационную среду и растущую зрелость инновационных субъектов. В конечном счете инновационная экосистема — это экосистема, в которой взаимодействие между компонентами порождает эффективный цикл инноваций и где инвестиции в НИОКР эффективно согласовываются с такими результатами, как передача технологий, коммерциализация и создание рабочих мест [10].

Самым важным вопросом корейской политики в области КНИС, по мнению администрации Мун Чже Ина, является НИОКР. Установив «науку и технологические инновации, ориентированные на человека» в качестве основного направления своей политики в области КНИС, администрация Мун Чжэ Ина с момента своего основания решительно настаивает на инновациях в области НИОКР. В частности, в августе 2017 года в ходе первых перестановок в правительстве администрация учредила Управление по науке и технологиям. В следующем году он установил полномочия вновь открывшегося Офиса, гарантируя, что бюджетные ассигнования из государственного бюджета на НИОКР производятся независимо от министерства финансов правительства, а также с упором на науку и технологии и на исследователей. Кроме того, в июле 2018 года он представил Цели активного стремления нынешней корейской администрации к инновациям в области НИОКР, которые заключаются в ускорении конвергенции и инноваций в секторе науки и технологий, а также в обеспечении высокого качества и независимости исследований и разработок, тем самым исследуя новые ценности и движущие силы роста, создавая качественные рабочие места, и, как следствие, улучшение качества жизни людей [1].

Конкуренция со стороны Китая и других новых индустриальных стран играет роль в осуществлении политики НИС. Китай все больше бросает вызов Корею во многих отраслях, в которых она в настоящее время имеет конкурентные преимущества. В то же время Корея получила значительные выгоды от экономического развития Китая и других новых индустриальных стран. Низкий уровень рождаемости и стареющее общество замедляет рост инновационной политики. Кроме того, региональные геополитические события препятствуют эффективному осуществлению инновационной политики.

Основная стратегическая задача корейской инновационной политики – добиться сближения с более развитыми экономиками ОЭСР [2]. Этого необходимо достичь в контексте снижения уровня рождаемости и усиления конкуренции со стороны новых индустриальных стран, особенно Китая. Таким образом, корейская инновационная политика должна ускорить переход инновационной системы от догоняющей модели к более творческой, поддерживая более фундаментальные исследования в различных областях, повышая инновационный и абсорбционный потенциал МСП, а также улучшая связь с международными источниками знаний. При выполнении этих задач политика должна следовать определенным руководящим принципам:

Столь же важна международная открытость. Корею необходимо улучшить международную открытость своей исследовательской системы, чтобы получить лучший доступ к глобальным пулам знаний. У него есть целевые программы для решения этой

проблемы, интернационализация должна быть частью большинства стратегий, касающихся науки, технологий и инноваций. Во многом недавний рост Кореи был связан с развитием и использованием ИКТ [5]. Корея должна стремиться к дальнейшей диверсификации своей экономики, используя новые двигатели роста, предлагаемые биотехнологиями, нанотехнологиями и другими развивающимися областями науки и техники, при этом активно используя существующие сильные стороны.

Основываясь на опыте Кореи и сдвигаясь от программ экономического развития к более публичным и общим исследованиям, Россия может догнать наиболее технологически развитые страны и приблизиться к технологическим рубежам. Поэтому пришло время России перейти от высокой государственной поддержки промышленных НИОКР к более общественным и ориентированным на благосостояние НИОКР [4]. Более того, этот сдвиг следует рассматривать как возможность повысить уровень фундаментальных исследований, проводимых в России.

Для России важен учет долгосрочной перспективы при оценке затрат и выгод от государственного финансирования НИОКР. Лица, определяющие политику, и другие участники инновационной деятельности России должны лучше понимать, что отдача от инвестиций в фундаментальные исследования может быть в значительной степени нематериальной – и воплощенной – и для ее получения потребуются значительное время. Это также очень затрудняет убедительный учет всего спектра преимуществ, по крайней мере, в краткосрочной перспективе. России следует поддерживать системный и эволюционный подход к продвижению инноваций. Четкая общая стратегия России должна определять политику, влияющую на динамику и эффективность инновационных процессов. Такая политика России должна адаптироваться к изменениям в глобальной среде и отвечать меняющимся потребностям участников инновационной деятельности. Они должны способствовать повышению эффективности инновационной системы и подсистем посредством постоянного мониторинга и оценки, а не определять заранее оптимальную инновационную структуру.

Следует обратить внимание на комплексный подход к стимулированию инноваций, помимо поддержки НИОКР и высоких технологий. Для расширения инновационных возможностей во всей экономике, в том числе в деятельности, не связанной с исследованиями и разработками, инновационная политика должна избегать слишком пристального внимания к НИОКР и высоким технологиям [6]. Нетехнологические или «мягкие» инновации, особенно в секторе МСП, который имеет особенно слабые инновационные возможности, открывают значительные возможности для повышения производительности и роста доходов в России. Более того, «обслуживание» производства и растущая технологическая составляющая услуг означают, что как производственный сектор, так и сектор услуг нуждаются в общих возможностях для повышения интенсивности их знаний.

Достижение согласованности политики и программ – сложная задача для правительств, которые, как правило, плохо организованы для решения сквозных политических вопросов, таких как инновации. Это означает, что государственное вмешательство следует рассматривать с точки зрения так называемого политического комплекса. По мере того, как корейская наука и техника приближается к границам знаний, она берет на себя новые обязанности и задачи, которые потребуют диалога с обществом. Это должно быть воплощено в новой форме совместного управления, при которой ученые и правительства участвуют в подлинном диалоге с гражданами о научно-технических разработках.

Корейский опыт предлагает уроки для политиков в России. Во-первых, нет никаких сомнений в том, что образование повышает способность нации усваивать новые знания и технологии. Таким образом, правительство должно взять на себя полную ответственность за принятие необходимых мер по содействию развитию человеческих ресурсов. Чтобы помочь работникам справиться с технологическими изменениями, правительство должно обеспечить

профессионально-техническое обучение или принять меры для содействия такому обучению на рабочих местах. Позже по мере того, как экономика становится более развитой, технологическая компетентность становится решающим фактором, становится необходимым воспитание высококвалифицированных ученых и инженеров, способных заниматься разработками в области науки и техники. Высшее образование в области науки и технологий должно быть на первом месте при подготовке к вступлению в развитый мир. В случае Кореи образование и индустриализация помогали друг другу в поддержании и ускорении развития. Образование сделало возможным технологическое обучение и, следовательно, индустриализацию, в то время как индустриализация повысила рентабельность инвестиций в образование, способствуя дальнейшему росту спроса на образование.

Таким образом, Корея обязана своим технологическим развитием и индустриализацией развитию сильной базы человеческих ресурсов и перспективной стратегии развития. Два основных урока из корейского опыта для России заключаются в том, что человеческие ресурсы являются ключом к развитию науки и технологий и, следовательно, к экономическому росту, и что ничто не может лучше мотивировать частный бизнес инвестировать в развитие технологий, чем рыночная конкуренция.

Список литературы

1. Country Report 2019 [Электронный ресурс] // The Evaluation of Science and Technology Innovation Capacity. COSTII: COmposite Science and Technology Innovation. URL: <https://www.k2base.re.kr/costii/en/home.do> (date of access: 09.05.2022).
2. Kim Eun Sun . The History and Evolution: A Big Data Analysis of the National Innovation Systems in South Korea. MDPI. 2020. Pp. 1-20. DOI: 10.3390/su12031266.
3. Lee H., Kang H.J., Seo H.J. Diagnosis on Korea's STI Capacity: Based on Global Innovation Scoreboard [Электронный ресурс] // STEPI Insight. VOL. 260, Oct. 30th, 2020. URL: file:///C:/Users/admin/Downloads/STEPI_Insight_260.pdf (date of access: 09.05.2022).
4. Kim S.S., Choi Y.S. The Innovative Platform Programme in South Korea: Economic Policies in Innovation-Driven Growth. Foresight and STI Governance. 2019. Vol. 13, no 3. Pp. 13–22. DOI: 10.17323/2500-2597.2019.3.13.22.
5. OECD (2020), OECD Economic Surveys: Korea 2020. OECD Publishing, Paris. URL: <https://doi.org/10.1787/2dde9480-en>.
6. Survey of Research and Development in Korea // KISTEP, 2010. URL: [file:///C:/Users/admin/Downloads/2010+연구개발활동조사보고서\(영문+요약\).pdf](file:///C:/Users/admin/Downloads/2010+연구개발활동조사보고서(영문+요약).pdf) (date of access: 08.05.2022).
7. Survey of Research and Development in Korea // KISTEP, 2011. URL: https://swallow.kistep.re.kr/board.es?mid=a20402000000&bid=0047&act=view&list_no=36516&tag=&nPage=3 (date of access: 08.05.2022).
8. Survey of Research and Development in Korea // KISTEP, 2014. URL: file:///C:/Users/admin/Downloads/2014_R&DSurvey.pdf (date of access: 08.05.2022).
9. Country Report 2017 [Электронный ресурс] // The Evaluation of Science and Technology Innovation Capacity. COSTII: COmposite Science and Technology Innovation. URL: <https://www.k2base.re.kr/costii/en/results.do> (date of access: 08.05.2022).
10. Country Report 2018 [Электронный ресурс] // The Evaluation of Science and Technology Innovation Capacity. COSTII: COmposite Science and Technology Innovation. URL: <https://www.k2base.re.kr/costii/en/results.do> (date of access: 08.05.2022).

УДК 338

СЕБЕСТОИМОСТЬ УСЛУГ В САНАТОРНО-КУРОРТНОЙ СФЕРЕ И ТУРИЗМЕ: ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ И КЛАССИФИКАЦИЯ

Яковлева Ю.К.

Научный руководитель: Матушевская Е.А.

THE COSTS OF RESORT AND TOURISM: ECONOMIC ESSENCE AND CLASSIFICATION

Julia K. Yakovleva

Scientific advisor: Elena A. Matushevskaya

АННОТАЦИЯ. Наиболее важными показателями деятельности любого предприятия является себестоимость, поэтому понимание сущности, классификации и анализ себестоимости актуален, если субъект хозяйствования имеет целью рост конкурентоспособности и прибыли. В данной статье, на основе мнений разных авторов продемонстрировано обобщение сущности понятия «себестоимость услуг» и их классификация для предприятий санаторно-курортной сферы. Представлена классификация расходов предприятия санаторно-курортной сферы в зависимости от вида затрат туристической организации.

Ключевые слова: себестоимость, классификация себестоимости для предприятий санаторно-курортной сферы и туризма.

ABSTRACT. The most important indicators of the activity of any enterprise is the cost, therefore, understanding the essence, classification and analysis of cost is relevant if the business entity has the goal of increasing competitiveness and profit. In this article, based on the opinions of various authors, a generalization of the essence of the concept of “the cost” and their classification for enterprises in the sanatorium and resort sphere is demonstrated. The classification of expenses of the enterprise of the sanatorium-resort sphere is presented depending on the type of costs of the tourist organization.

Key words: costs, cost classification for the enterprises of health resort and tourism.

In the conditions of market relations the competitiveness of each enterprise depends on the state of market conditions and production costs. The cost of production is one of the important factors influencing the profit of any enterprise.

Under the current conditions of instability and turbulence of Russian economy, the enterprises of sanatorium-resort sphere and tourism are trying to manage the costs in a planned and rational way to survive. Studies of economic category “cost of services” in the enterprises of tourism and sanatorium-resort sphere are relevant.

Currently, the cost is a very broad economic category, as there are many different approaches to its definition. Both scientists and practitioners, along with the term “cost price”, apply such concepts as “costs”. Costs are an important economic factor, expressed in monetary form, expenses of the enterprise for production, circulation and sale of products, which determines the efficiency of economic activity, profit and profitability of production [1; 3; 9]. It is the costs of production, promotion and sale of the tourist product that form its main cost price, in other words, the cost price of the tourist product is a cost estimate of material and other resources used in the process of production and sale of the tourist product, as well as other costs of production and sale.

A large variety of definitions of the concept of cost price today can be found in the modern literature and in many articles. Table 1.1 presents the interpretations of different authors of the concept of “cost of services”.

Author	Definition
O.V. Baskakova	“a cost estimate of the services consumed in the process of production and sales, as well as current costs associated with the consumption of these services for a certain period” [1].
B.D. Gribov	“a pricing factor, which has a significant impact on the profit and competitiveness of the company” [7].
B.K. Sklyarenko and V.M. Prudnikov	“the monetary current costs of the enterprise to perform and sell the service” [6].
Order of the Ministry of Finance of the Russian Federation “On Approval of the Federal Accounting Standard FSBU 5/2019 ‘Stocks/ (Registered with the Russian Ministry of Justice 25.03.2020 № 57837)”	«сумма фактически произведенных затрат на их приобретение и изготовление» [3].
L.A. Chaldaeve	“one of the most important qualitative indicators of the enterprise. On the one hand, this indicator reflects the results of production and economic activities, and on the other hand, this indicator largely determines the amount of profit and profitability of production. This indicator reflects: the level of labor productivity, the rational use of material resources, the degree of loading of fixed and circulating funds” [2].
Economics dictionary	“total expenditures on real goods and services; expenditures on consumption, investment, and government spending” [3].

Table 1.1 Interpretation of the concept of “cost of services” by various authors

Thus, considering the above given points of view, the most complete and competent definition, in our opinion, was given by V.K. Sklyarenko and V.M. Prudnikov, who believe that “the cost value is the monetary expression of the costs of the enterprise” [6].

The costs of the tourist organization in relation to the production process are divided into production and commercial. The definition of the types of costs of the tourist organization is presented in Figure 1.

In planning and accounting, the costs of producing a tourist product are subdivided into elements and cost items. The costs that form the cost of the tourist product are grouped according to the following elements:

- material costs;
- labor costs;
- deductions for social needs;
- amortization;
- other costs.

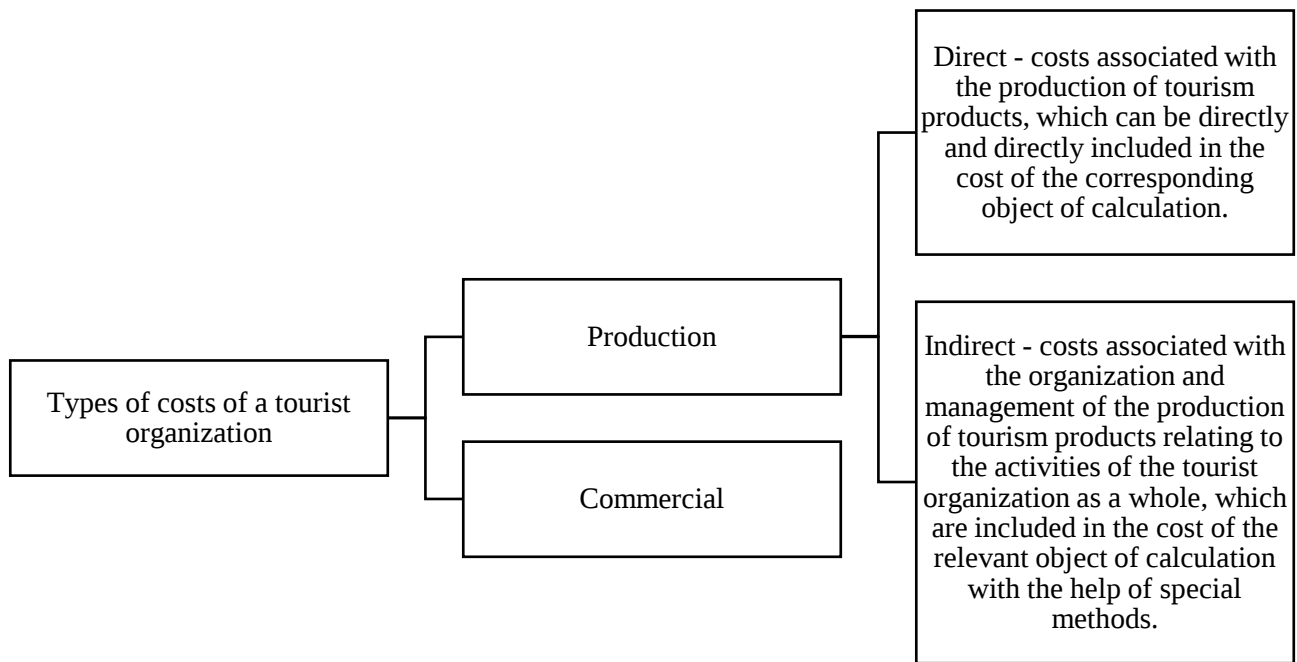

Figure 1 – Types of costs of a tourist organization

Figure 2 presents the grouping of production costs by items, since these items are most often used by tourist organizations to determine the cost of the tourist product.

Also, a tourist organization may, based on the accepted objects of accounting, independently expand the nomenclature of cost items for the production of a tourist product.

According to E.I. Strelnikova and L.N. Lapaeva, commercial expenses (costs) associated with the promotion and sale of the tourist product mainly include:

- advertising costs (targeted, informational impact on the consumer to promote tourist products in the sales market), which include:
 - the cost of developing and publishing promotional products (catalogs, price lists, brochures, albums, brochures, posters, posters, advertising letters, postcards, etc.);
 - costs for the development and production of sketches and labels, samples of original and branded packages, the purchase and production of promotional souvenirs;
 - the costs of advertising activities through the media (announcements in the press, announcements and broadcasts on radio and television);
 - costs of light and other outdoor advertising;
 - the cost of purchasing, producing, copying, duplicating, and showing promotional films, videos, or films with diafilm, etc;
 - the cost of making stands, moulages, billboards, and signs;
 - the costs of storage, shipping and customs clearance of promotional materials;
 - the cost of organizing and participating in exhibitions aimed at promoting the tourist product;
- costs associated with the activities of sales outlets (travel agencies) as subdivisions of the tourist organization, both separate and non-separate;
- the cost of commissions, agency and other remuneration to third-party organizations that provide commercial services to the tourist organization;
- the labor costs of employees of the tourist organization directly involved in the promotion of the tourist product [8].

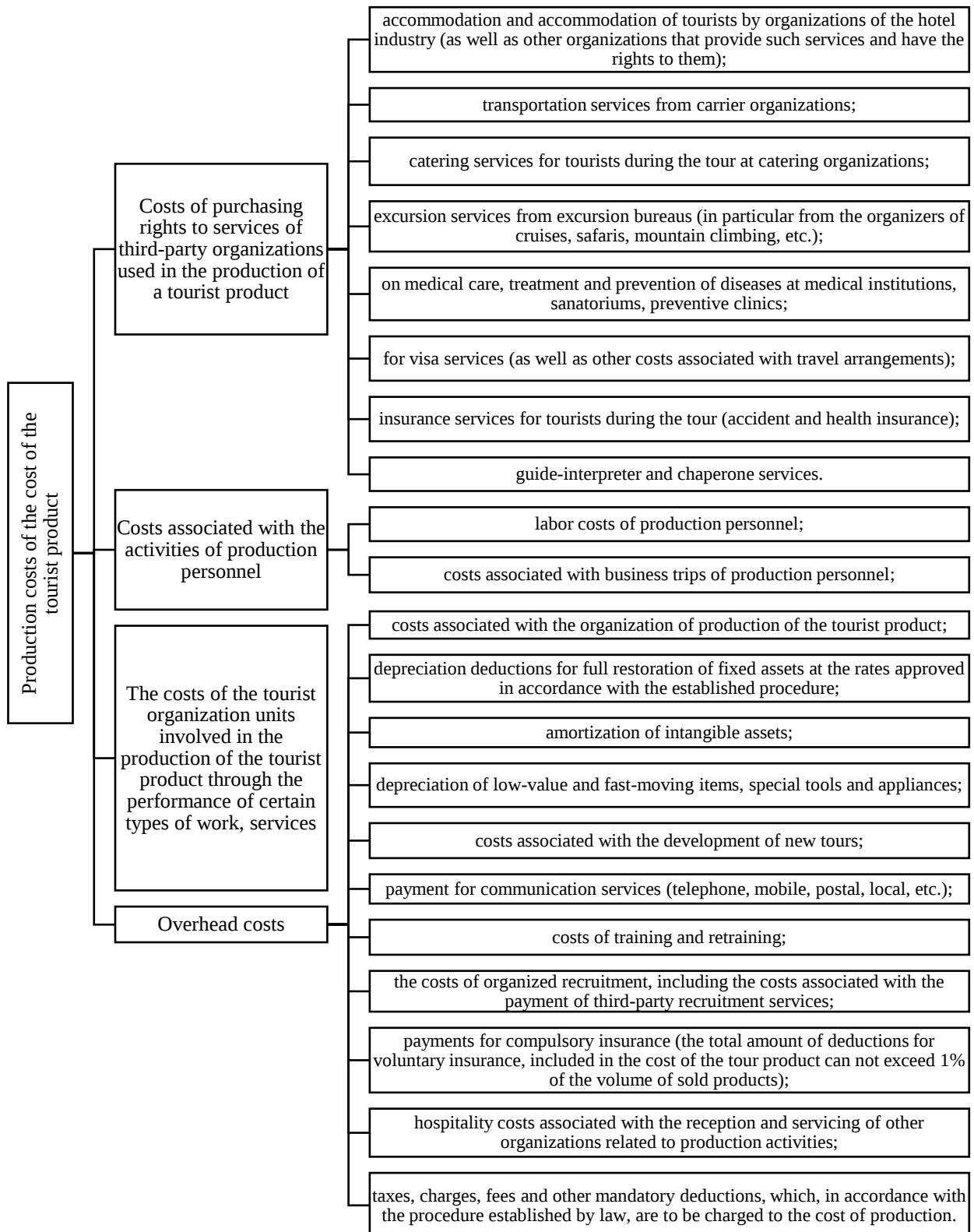

Figure 2 – Composition of the cost of tourism product

Thus, the analysis of the sources allows to assert that the theme of production costs is considered, in the educational and industrial literature, besides, the emphasis is made on the practical aspect. Also in the practical aspect it is possible to draw a conclusion that in sanatorium-resort sphere and tourism the theme of the cost of production is insufficiently investigated.

References

1. *Баскакова О.В., Сейко Л.Ф.* Экономика предприятия (организации): учебник для студентов бакалавриата, обучающихся по направлению подготовки «Экономика». М. : Дашков и К°, 2012.
2. Бизнес-планирование в туризме : учебник (уровень бакалавриата) / [Казакова А.В., Меркулина И.А., Пономарева М.А и др.; под общ. редакцией Т.В. Харитоновой, А.В. Шарковой]. Москва : Дашков и К°, 2017. 287 с.
3. Большой толковый словарь русского языка : А-Я / РАН. Ин-т лингв. исслед.; Сост., гл. ред. канд. филол. наук С. А. Кузнецов. Санкт-Петербург : Норинт, 1998.
4. *Верба И.А., Голицын С.М., Куликов В.М., Рябов Е.Г.* Туризм в школе : (Кн. руководителя путешествия). Москва : Физкультура и спорт, 1983. 160 с.
5. *Кирильчук С.П.* [и др.]. Экономика предприятия. Практикум : учебное пособие для вузов. Под общей редакцией С. П. Кирильчук. Москва : Издательство Юрайт, 2023. 517 с. [Электронный ресурс] // Образовательная платформа Юрайт. URL: <https://urait.ru/bcode/516680> (дата обращения: 09.05.2023).
6. *Сергеев И.В., Веретенникова И.И.* Экономика организации (предприятия) : учебное пособие для бакалавров. 5-е изд., испр. и доп. Москва : Юрайт, 2012. 671 с.
7. *Слепнева Т.А., Яркин Е.В.* Экономика предприятия : учебник для студентов высших учебных заведений. Москва : ИНФРА-М, 2006. 456 с.
8. *Стрельникова Е.И., Лапаева Л.Н.* Методические рекомендации по управлению затратами в учреждении санаторно-курортного типа: сборник трудов конференции. // Научные исследования: от теории к практике : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 12 февр. 2015 г.) / редкол.: О.Н. Широков [и др.]. Чебоксары: Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс», 2015. С. 276-278.
9. *Хайритдинова Л.Р., Кострюкова Л.А.* Функции цены в рыночной экономике электронный // Профессиональное образование: методология, технологии, практика. Сборник науч. статей. Выпуск 10. Ред.: В.В. Садырин. Челябинск, 2017. С. 164–168.

УДК 336.6

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ В РОССИИ

Рудюк А.В.

Научный руководитель: Балаклеева А.М.

CURRENT PROBLEMS OF ECONOMIC SECURITY OF BUSINESS SUBJECTS IN RUSSIA

Alexey V. Rudyuk

Scientific advisor: Anastasia M. Balakleeva

АННОТАЦИЯ. В данной статье рассматриваются современные проблемы экономической безопасности хозяйствующих субъектов, изучены причины и факторы, формирующие угрозу хозяйственной деятельности предприятий. Проведен анализ криминогенной обстановки в России на основании данных по уровню преступлений экономической направленности, описаны основные тенденции. Рассмотрены различные

подходы к изучению термина «экономической безопасности», методы и способы ее обеспечения, сформулированы рекомендации.

Ключевые слова: экономическая безопасность, предпринимательство, риски, угрозы, легализация преступных доходов, методы безопасности.

ABSTRACT. This article discusses current problems of economic security of economic entities, causes and factors of threat affecting the economic activity of enterprises. Various approaches to the term “economic security” are reviewed, some methods of its provision are considered, an analysis of the major trends in the criminogenic situation in Russia is suggested on the basis of the data on economic crimes. The analysis is followed by a number of recommendations for maintaining economic security.

Keywords: economic security, entrepreneurship, risks, threats, money laundering, security methods.

The development of modern market relations between economic entities in the Russian Federation is complicated by the threat of wide-spreading corruption, the growth of organized crime, the development of the level of digitalization, the instability of the economic system, and the threat of financial crises. Along with this, the possibility of obtaining "shadow" income and the legalization of criminally acquired capital jeopardizes the economic security of business entities, which determines the relevance of the research topic.

An analysis of official data over the past five years in Russia shows a significant increase in the number of crimes in the sphere of economic relations and the amount of damage caused by them, Figures 1 and 2.

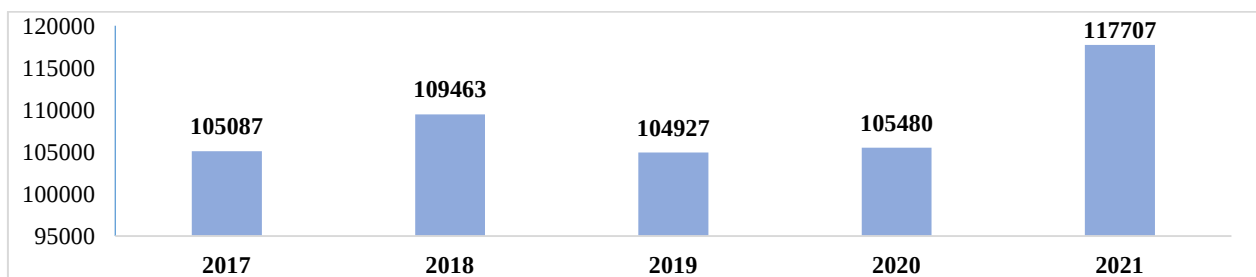

Figure 1 – Dynamics of the number of economic crimes in the Russian Federation for the period from 2017 to 2021, units

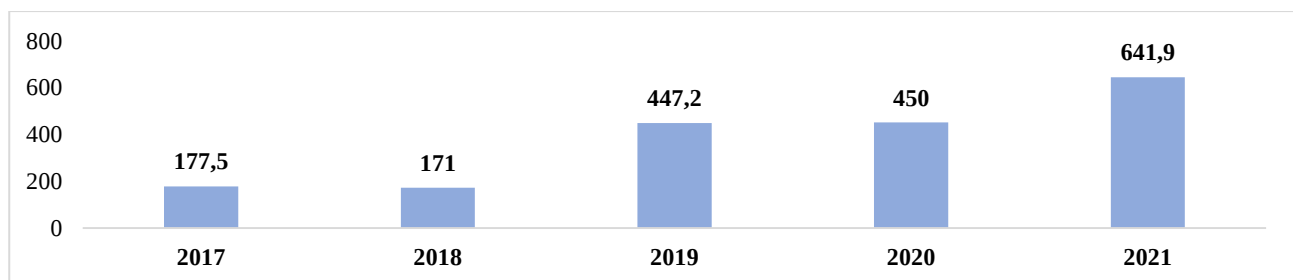

Figure 2 – Damage from economic crimes in the Russian Federation for the period from 2017 to 2021, billion rubles

The trend of a significant increase in damage from economic crimes (more than 3.6 times) is associated with an increase in the volume of misappropriation of assets, fraud in public procurement, as well as an increase in bribery and corruption. The main causes of economic crimes in Russia are: violation of the principle of social justice in the sphere of production and distribution; ignoring objective economic laws and imperfect laws; corruption of law enforcement agencies and

authorities. In this regard, there is a need to implement economic security measures in order to prevent the use of business entities as participants in criminal schemes or as an object of obtaining criminal proceeds [1].

Economic security is the state of an economic entity, which is determined by the presence of a stable income and various resources that contribute to maintaining the functioning both at the current time and in the future.

When analyzing the concept of "economic security" at the level of an economic entity, the term covers its internal state and influence from the external environment (for example, from other entities with which this entity enters into a relationship) [2].

The economic security of an economic entity lies in the most efficient use of its resources to ensure the stable functioning of the enterprise and prevent various types of threats. The objects of protection in the system of economic security of an economic entity are the following blocks:

- 1) financial (cash, securities, investments);
- 2) property (real estate, industrial complexes, equipment, materials, products, vehicles, etc.);
- 3) informational (documented information about the movement of funds, material resources, patents, confidential information, commercial, banking secrecy, etc.);
- 4) personnel (enterprise personnel) [3].

Consider possible modern problems related to economic security for an economic entity in Table 1.

Groups	Problems
Social problem	Increasing income disparity between the poor and the wealthy, rising unemployment.
Economic problem	1. Instability of the economic system, entailing difficulties in forecasting and risks of unprofitable activity/bankruptcy. 2. Economic crimes, incl. embezzlement, abuse of power, corruption, smuggling and non-compliance with laws.
Information threats	1. Competitors getting confidential information of an economic entity and its further change (in the interests of an attacker), appropriation or liquidation. 2. Data leakage, external influence on information using illegal methods (disclosure, loss through technological channels, unauthorized access by intruders, cyber fraud, hacker attacks, etc.).

Table 1 – Modern problems of economic security of an economic entity [5]

There are also microeconomic problems of the economic security of the subject, which are divided into external and internal.

The external ones include:

- 1) illegal influences (encroachment) on the part of competitors;
- 2) criminal influences of certain persons and institutions of the administrative apparatus;
- 3) unfair competition;
- 4) non-compliance with regulations for the collection, processing, transmission, storage of data;
- 5) industrial espionage.

The internal microeconomic problems of an economic entity include:

- 1) interruptions in the software of data processing facilities;
- 2) intentional illegal influences of its personnel due to insufficient qualifications and bad faith;
- 3) personnel errors;

4) failure of technical equipment and facilities [4].

In order to ensure economic security, economic and mathematical methods are used, such as the analysis of the rate of return, the analysis of the overall impact of prices and costs on break-even, the risk analysis of investment programs, the determination of the optimal volume of production under uncertainty, etc.

The main elements of the economic security of an economic entity include the following:

- 1) ensuring the economic performance and stability of the entity's activities;
- 2) an effective system of legal regulation of activities;
- 3) expansion and competitiveness of the technological base;
- 4) control of informative security;
- 5) a high degree of management organization;
- 6) high-quality personnel selection;
- 7) guarantees for the safety of workers [5].

Summarizing the above, the problems of economic security associated with unfair competition, non-compliance with security requirements in the field of collecting, processing, storing and protecting data, the vulnerability of software and information systems to cyber fraudsters, the insufficient level of qualification of specialists, requires the introduction of effective mechanisms to ensure the economic security of subjects.

In turn, we propose to ensure the improvement of methods for improving the economic security of economic entities through the qualitative selection of personnel, the settlement of risks of the emergence of internal and external conflict situations, the systematic improvement of the information protection mechanism, the fight against waste, the manifestation of corruption risks, the improvement of forecasting methods and timely response to risks and threats.

References

1. Показатели преступности в России. Динамика [Электронный ресурс] // Генеральная прокуратура Российской Федерации. Портал правовой статистики // URL: http://crimestat.ru/offenses_chart (Дата обращения 29.03.2022).
2. *Сергеев А.А.* Экономическая безопасность предприятия : учебник и практикум для вузов. 3-е изд. Москва : Издательство Юрайт, 2022. [Электронный ресурс] // Образовательная платформа Юрайт. URL: <https://urait.ru/bcode/494299>.
3. *Суглобов А.Е., Хмелев С.А., Орлова Е.А.* Экономическая безопасность предприятия. Учебное пособие. М.: ЮНИТИ, 2018. 271 с.
4. *Шадрина Ж.А., Кочьян Г.А., Тлепцерикулов М.А.* Управление системой обеспечения экономической безопасности предприятия // Глобальные проблемы модернизации национальной экономики: Материалы V Международной научно-практической конференции (заочной): в 2 частях. Часть 1. Отв. редактор А.А. Бурмистрова. 2016. Тамбов: Издательство «Тамбовская региональная общественная организация “Общество содействия образованию и просвещению ‘Бизнес – Наука – Общество’”». С. 237–242.
5. Экономическая безопасность: проблемы, перспективы, тенденции развития: материалы V Междунар. науч.-практ. конф. (5 декабря 2018 г.) [Электронный ресурс] / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2019. Ч. 2. URL: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/sborniki/economicheskaya-bezopasnostchast-2.pdf> (дата обращения: 24.03.2022).

УДК 338.48

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ ГОСТИНИЧНОЙ ИНДУСТРИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И В КРЫМУ

*Троценко О.И.
Научный руководитель: Абрамова Л.С.*

TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF HOTEL INDUSTRY ENTERPRISES IN THE RUSSIAN FEDERATION AND IN CRIMEA

*Oksana I. Trotsenko
Scientific advisor: Larisa S. Abramova*

АННОТАЦИЯ. Данная статья посвящена выявлению тенденций и направлений развития предприятий гостиничной индустрии в РФ и Крыму с использованием эмпирических, графических и табличных методов. Актуальность выбранной темы в первую очередь обусловлена тем, что индустрия гостеприимства динамично развивается и привлекает все большее количество туристов не только из России, но и из-за рубежа. Развитие гостиничного хозяйства в стране связано с увеличением турпотока, а, следовательно, с увеличением количества гостиниц, отвечающих международным стандартам, но для привлечения большего количества туристов необходимо определить тенденции и направления развития гостиничного хозяйства в Российской Федерации и Крыму, что является целью написания статьи. Развитие гостиничного хозяйства Крыма направлено на создание современной конкурентоспособной высокоэффективной отрасли национального и международного значения, восстановления статуса Крыма как современного туристического центра в Российской Федерации.

Ключевые слова: туризм, туристская индустрия, туристический поток, гостиничная индустрия, развитие гостиничной индустрии, Республика Крым, город Севастополь.

ABSTRACT. This article is devoted to identifying trends and directions for the hotel industry enterprises development in the Russian Federation and in the Crimea using empirical, graphical and tabular methods. The relevance of the chosen topic is explained by the rapid development of hospitality industry and an increasing number of tourists not only from Russia, but also from abroad. The development of the hotel industry in the country is associated with an increase in the tourist flow, and, consequently, with an increase in the number of hotels that meet international standards. However, in order to attract more tourists, it is necessary to determine the trends and directions for the development of the hotel industry in the Russian Federation and in the Crimea, which is the purpose of this article. The development of the Crimean hotel industry is aimed at creating a modern competitive highly efficient industry of national and international importance and at restoring the status of Crimea as a modern tourist center in the Russian Federation.

Keywords: tourism, tourist industry, tourist flow, hotel industry development, The Republic of Crimea, the city of Sevastopol.

The modern hospitality industry of the Russian Federation is gradually reaching the world level, this industry is developing dynamically and attracting an increasing number of tourists not only from Russia, but also from abroad. The development of the hotel industry in the country is associated with an increase in the tourist flow, and, consequently, with an increase in the number of hotels that meet international standards.

The hotel industry belongs to a rapidly growing business segment, and that is why the development of this industry in the Russian Federation and Crimea can be influenced by various factors, such as state geopolitics, macroeconomic conditions, infrastructure development, etc.

Two critical factors affecting the functioning of hotels on the territory of the Russian Federation and the Crimea are the seasonality and various cultural events. One of the features of tourism and hotel business in the Crimea is seen as uneven distribution of tourist facilities on the territory of the peninsula, which complicates the development of this area.

In Crimea, there are facilities that provide medical services (sanatoriums, dispensaries, etc.), in addition to ordinary hotels, which indicate great prospects for the development of the hotel industry in this direction, taking into account the necessary rehabilitation after the pandemic of COVID-19 and other diseases. It should be noted that from 2014 to 2022, the hospitality industry of the Republic of Crimea had increased due to the completed construction of the Crimean bridge, the partial opening of the Tavrida highway, as well as the reconstruction of cultural monuments on the peninsula, but in order to attract more tourists, it is necessary to determine the trends and directions of the hotel industry in the Russian Federation and Crimea, which is the purpose of writing the article.

The relevance of the chosen topic is primarily due to the fact that small and medium-sized enterprises in the hotel industry account for more than 90% of those operating around the world, and the Russian Federation is no exception. The entry of the Republic of Crimea into Russia, despite a number of administrative and political problems, has opened up new opportunities, which include: attracting tourists from the mainland of Russia, developing infrastructure in various areas, promoting their own territorial brands, etc.

As has been noted above, the hotel industry is a rapidly growing business segment, therefore, in recent years there has been an increase in the tourist flow not only in Moscow and St. Petersburg, but also in other areas more remote from the center of the country, one of which is Crimea. Based on the ongoing research, it can be noted that the workload of hotels and inns in different areas is not the same, this is influenced by various factors ranging from climate to seasonality and reputation of hotels.

The reputation of hotels and inns depends primarily on the staff qualifications and the ability to find non-standard and correct solutions, as M.S. Oborin and M.A. Shostak say [2]. According to the authors, the assessment of the management effectiveness and its organizational and economic mechanisms, which are formed at the hotel services sector enterprises in the Crimea, should be carried out on the indicators system basis. The indicators, in turn, are aimed at characterizing the main areas of the hotel industry, these are: quality of services, profitability, financial results, strategic management system, etc.

I.G. Pavlenko notes significant changes in the field of hospitality in the Republic of Crimea and the city of Sevastopol. In fact, hotel services tend to develop as an independent market which claims a leading position in the tourism industry of the peninsula [3].

O.A. Guk and D.D. Burkaltseva are emphasizing the need to focus the economy on the integrated development of territories, taking into account the characteristics of the western and eastern coasts, improving the skills of workers in this area, bringing the quality of service to world standards, etc. All these activities will help the hotel industry to increase its efficiency, attract tourists to the peninsula and also enter the world markets for the provision of tourism and hotel services [1]. E.I. Piskun believes that tourism, hotel business and related industries are traditional for the Crimea and in the future they can significantly affect the economic growth of the region [4; 5; 6].

It is clear from the brief review of researchers' opinions we have given above, that, despite certain differences, they all speak of great prospects for the development of the hotel industry in the Crimea. Increasing the level of services in the hospitality industry in various regions of Russia affects the Crimean accommodation facilities development, as many specialists adopt the experience and methods of personnel and enterprise management from successful companies in this field of activity. Further study of the development of tourism issues is updated in the current situation in the country and the expected growth in the tourist flow.

When carrying out research, we used general empirical methods like synthesis, deduction and induction. They are indispensable for systematization of the material and highlighting the results of the study. When analyzing and identifying trends in tourism industry, we also used

graphical and tabular methods to visualize the results. The complex of these methods made it possible to conduct a qualitative analysis in the Crimea and the Russian Federation. The statistical data of the Federal State Statistics Service of the Russian Federation and individual regions were used as the base of information necessary for the analysis.

The Republic of Crimea and the city of Sevastopol are one of the most promising and popular tourist centers in Russia, as they have rich cultural, tourist and sanatorium-resort opportunities [10]. Since 2014, the year of the reunification of Crimea with Russia, tourism industry on the peninsula has undergone significant changes that have contributed to the country's economy (See Table 1).

Index	2017	2018	2019	2020
Gross value added by the tourism industry (in basic current prices, billion rubles)	2 242,7	2 490,8	2 789,9	2 351,8
The share of the gross value added by the tourism industry in the GDP of the Russian Federation (in basic current prices, %)	2,7	2,7	2,8	2,4

Table 1. Dynamics of the gross value added by the tourism industry in the Russian Federation and its share in GDP in 2017-2020 [9]

Table 1 shows that there has been a growth ~~trend~~ until 2019, therefore, the tourism industry has developed and attracted an increasing number of tourists. However, since 2019, after the coronavirus pandemic, the indicators have decreased, as restrictive measures had been introduced both for resident countries and for foreign visitors. In the future, the indicators will grow, as domestic tourism is actively developing in Russia.

The number of accommodation facilities also plays an important role in identifying tourism development trends in a particular area. The quality of accommodation and service directly affect the satisfaction of citizens and their desire to return to a particular city. The management of many enterprises of the hotel industry in the Russian Federation strives to improve the level of their services in order to meet international standards and develop their enterprise.

At the moment, 3-star hotels predominate in Russia, especially on the sea coast of Sochi. In Crimea, the situation is a little worse, but getting the highest class for both Crimea and the Russian Federation is a potential and development trend to reach a new level. Let us consider now individual indicators of the activities of organizations in the tourism industry (Figure 1).

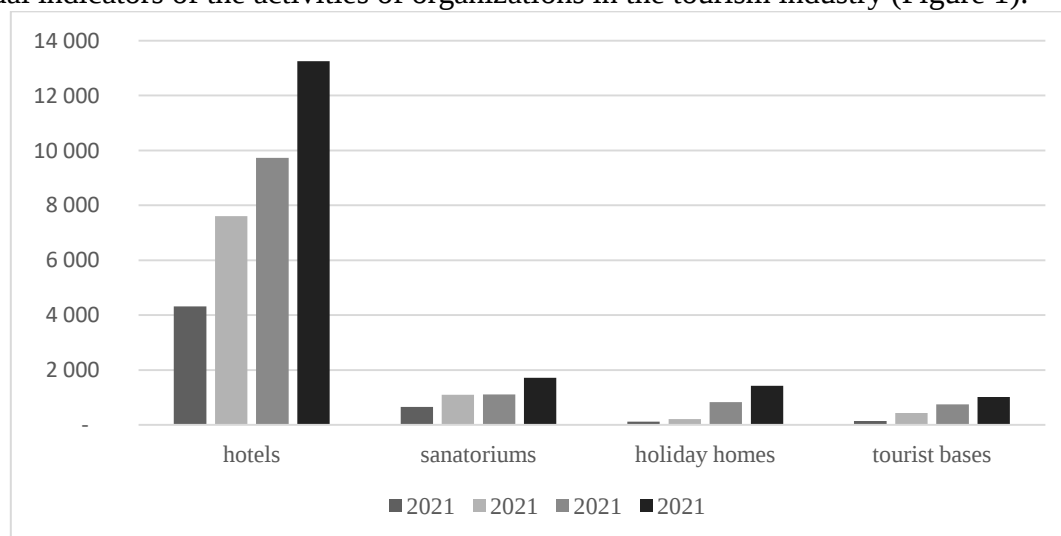

Figure1. Dynamics of the number of accommodation facilities in the Russian Federation 2021, number of units [9]

The diagram shows that the demand for collective accommodation depends directly on seasonality, which can be both a problem and an opportunity.

Seasonality is a problem, as employment in this area decreases depending on the high or low season, but is also an opportunity, taking into account the replacement of equipment, the renovation of rooms and buildings in general, as well as staff training and skills development.

Figure1 shows that hotels remain to be most popular among tourists. Sanatoriums take the second place, as the country's residents need medical rehabilitation after the pandemic. Holiday houses and tourist bases are not so popular, as they are located in more remote and less well-known tourist regions of Russia.

In the Southern Federal District, it is not only the tourist and hotel infrastructure, but also the urban economy that develops, which attracts tourists.

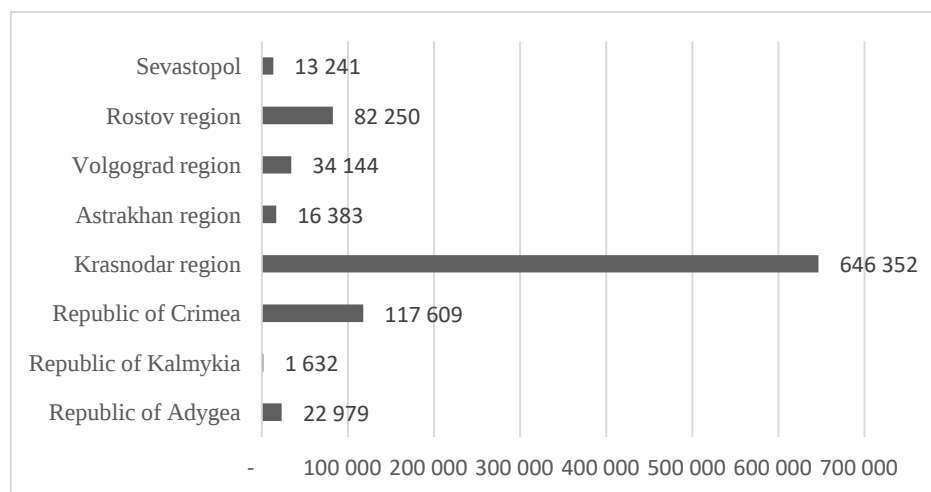

Figure 2. Tourist flow of the Southern Federal District in January 2022, number of people [9]

The graph shows that Krasnodar area holds the leading position due to the developed urban and tourist infrastructure. The Republic of Crimea and the city of Sevastopol are in the second place in terms of tourist attendance, due to their natural, historical, climatic and recreational resources. Crimea and Sevastopol are developing the tourism industry and in the future they will compete for the first place in tourist visits with the Krasnodar Territory.

In 2021, the tourist flow to Crimea amounted to 9,390 million people, which is 26% higher than the same period in 2019 and 49% higher than the same period in 2020. In the total tourist flow for 2021:

- 61% arrived via the Crimean bridge by cars and buses;
- 30% by air;
- 7% by rail;
- less than 1% arrived across the state border of the Russian Federation in Armyansk, Dzhankoy or Perekop.

In December 2021, 372,8 thousand tourists rested in Crimea, which is 1.3 times more than in December 2020 and 1.6 times more than in December 2019.

The share of booked rooms in the accommodation facilities of the Republic of Crimea for the New Year holidays in 2022 exceeds 70%. Given the current level of bookings, according to estimates of passenger traffic data, data from municipalities of the tourist territories of the Republic of Crimea on the load of operating accommodation facilities and operational monitoring of operating accommodation facilities during the New Year holidays 2021-2022. about 300 thousand tourists rested in the Republic of Crimea, which is 25% higher than during the New Year holidays of 2020-2021 [8].

Index	2016	2017	2018	2019	2020
Number of collective accommodation facilities, units	1134	1257	1312	1320	1490
Number of rooms, thous.	69,2	62,4	64,7	69,5	73,3
Number of seats, thous.	162,3	148,3	152,0	165,8	171,2
Number of overnight stays, thous.	14725,4	11849,0	13562,1	14648,8	13501,1
Number of accommodated persons, thous.	1700,4	1591,3	2083,4	2379,6	1941,6
Income from rendered services, million rubles	22863,0	23062,4	28742,2	32248,7	33886,3

Table 2. Key performance indicators of collective accommodation facilities in the Republic of Crimea, 2016-2020 [8]

The analysis of the above data has lead us to the conclusion that from 2016 to 2020 the number of collective accommodation facilities were increasing, the rest of the indicators in Table 2 are of a spasmodic nature. This indicates a growing interest in the Republic of Crimea as a place of leisure, therefore, the territory under consideration has the potential for further development. Separately, we should consider the dynamics of the direct contribution of the type of economic activity “hotels and public catering enterprises” to the GRP of the city of Sevastopol (Figure 3).

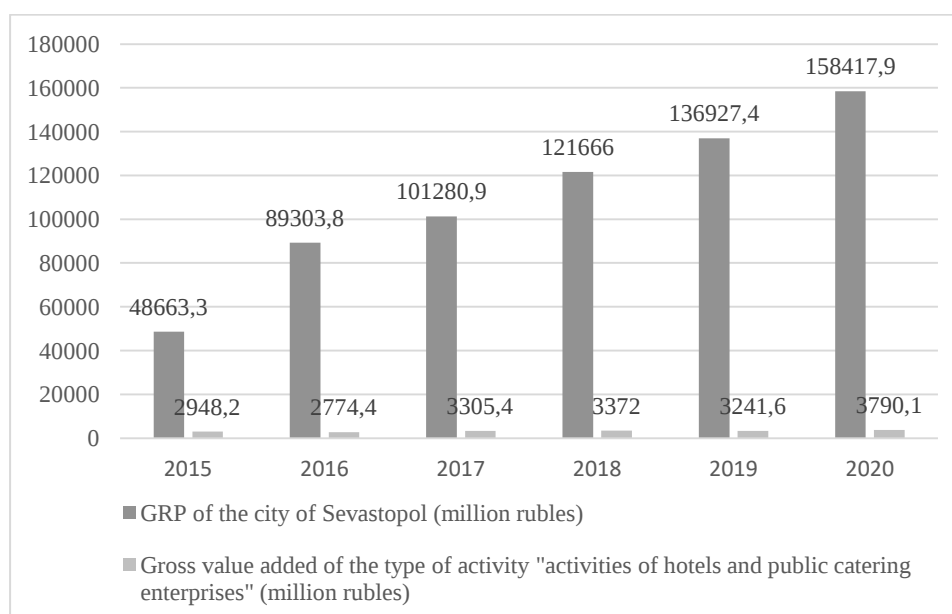

Figure 3. Dynamics of the direct contribution of the type of economic activity “hotels and public catering enterprises” to the GRP of the city of Sevastopol [9]

The growth of the GRP of the city of Sevastopol as a whole, as well as the increase in the share of the type of economic activity of hotels and public catering establishments in the GRP of the city deserves particular attention. The opening of new transport routes, such as the Taurida highway and the Crimean Bridge, made it possible for tourists to get from the mainland to the territory of the peninsula in a more accessible way. The implementation of the development strategy of the Republic of Crimea until 2030 also plays an important role [7]. New public spaces are being created

not only for tourists, but also for city residents, as well as new more comfortable conditions for study and work. In Sevastopol, there are a lot of natural and historical sites that allow you to take the first places in terms of tourist attendance of the cities of Crimea.

Having considered the statistical data, we can speak now about the trends in the tourism development in Russia and the Crimea. Internal value added by the tourism industry in the Russian Federation as a whole for the period 2017-2020 shows growth, the number of accommodation facilities increases, too. There is a positive trend in the direct contribution of such economic activity as hotels and catering establishments to the GRP of the city of Sevastopol, as well as an increase in the tourist flow not only in the high, but also in the low seasons. It should be noted that tourists travel around Russia not only because of the desire to visit historical sites, they are also attracted by the climate, the availability of comfortable living conditions and places of entertainment. At the moment, festival tourism is becoming more and more popular, as events of various scales (gastronomic, sports, historical, etc.) are held annually in different parts of the country.

As for the Republic of Crimea and the city of Sevastopol, we can be positive about their great prospects due to improved transport accessibility, the development of industries such as winemaking and fishing, which are the hallmark of the peninsula, the opening of new wineries and seafood restaurants. The warm climate, the two seas, an advantageous geographical position and a small distance between the cities in Crimea must not be underestimated, too.

References

1. Гук О.А., Буркальцева Д.Д. Развитие туристической индустрии Республики Крым // Сервис в России и за рубежом. 2019. №2. (84). С. 119–129.
2. Оборин М.С., Шостак М.А. Процессный подход к совершенствованию механизма управления предприятиями индустрии гостеприимства России и Республики Крым // Сервис плюс. 2018. №2. С. 42–53.
3. Павленко И.Г. Трансформация рынка гостиничных услуг Республики Крым // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2019. №2. С. 113–131.
4. Пискун Е.И., Симченко Н.А., Тарасенко С.В. Экономический рост города Севастополя: проблемы и возможности // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. № 6. 2018. С. 101–109. DOI: 10.18721/JE.11609.
5. Пискун Е.И., Симченко Н.А. Оценки и ожидания населения города Севастополя в вопросах экономического роста // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. 2019. Том 21, № 4. С.67–78. DOI: 10.15688/ek.jvolsu.2019.4.7.
6. Пискун Е.И., Хохлов В.В. Особенности исследования развития экономики города Севастополя / Е.И. Пискун, В.В. Хохлов // Вестник РУДН. Серия: Экономика. 2019. Том 27. № 1. С. 113–121. DOI: 10.22363/2313-2329-2019-27-1-113-121.
7. Стратегия социально-экономического развития Республики Крым до 2030 года [Электронный ресурс] / Официальный портал Правительства Республики Крым. 2022. URL: https://rk.gov.ru/file/strategiya_sotsialjno_ekonomicheskogo_razvitiya_respubliki_krim_do_2030.pdf (дата обращения: 07.04.2022).
8. Управление федеральной службы государственной статистики по Республике Крым и городу Севастополю [Электронный ресурс] / Федеральная служба государственной статистики. 1999 – 2022. URL: <https://crimea.gks.ru/folder/27570> (дата обращения: 07.04.2022).
9. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. 1999-2022. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/23457> (дата обращения: 07.04.2022).
10. Харёва В.А. Современное состояние индустрии гостеприимства в Республике Крым // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2019. №1 (35). С. 280–285.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Абрамова Лариса Сергеевна

Научный руководитель, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономика предприятий и организаций», Институт финансов, экономики и управления, Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия, e-mail: larisaabramova1407@mail.ru.

Балаклеева Анастасия Михайловна

Научный руководитель, доцент кафедры «Финансы и кредит», Институт финансов, экономики и управления; Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия, e-mail: bubnova_am@mail.ru.

Бармина Евгения Александровна

Научный руководитель, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры «Теория и практика перевода», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия, e-mail: mar.indigo@mail.ru.

Бочкарев Максим Александрович

Студент, кафедра «Теория и практика перевода», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия, e-mail: maks.bo4ckariov2014@yandex.ua.

Добында Дарья Григорьевна

Студент, кафедра «Теория и практика перевода», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия, e-mail: ddariadobinda@gmail.com.

Елизаров Александр Сергеевич

Студент, кафедра «Теория и практика перевода», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия, e-mail: hewley000@gmail.com.

Комуцци Людмила Владимировна

Научный руководитель, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры «Теория и практика перевода», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия, e-mail: ltataru@yandex.ru.

Кузьмичёва Анна

Студент, кафедра «Теория и практика перевода», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия, e-mail: kuzmichyovaanna@yahoo.com.

Лобков Александр Евгеньевич

Научный руководитель, кандидат филологических наук, доцент кафедры «Теория и практика перевода», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия, e-mail: alexev1975@yandex.ru.

Лоза Светлана Вячеславовна

Аспирант, кафедра мировой экономики и международных экономических отношений, Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: qqqeex@gmail.com.

Матушевская Елена Анатольевна

Научный руководитель, кандидат экономических наук, доцент кафедры бухгалтерского учета, анализа и аудита, Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия, e-mail: matushevskaya73@mail.ru.

Медведкин Тарас Сергеевич

Научный руководитель, доктор экономических наук, профессор, Кафедра мировой экономики и международных экономических отношений, Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия, taras.medvedkin@gmail.com.

Михайлова Евгения Владимировна

Научный руководитель, кандидат филологических наук, доцент, кафедра «Теория и практика перевода», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия, e-mail: lastochkina1969@mail.ru.

Мороз Злата Олеговна

Студент, кафедра «Теория и практика перевода», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия, e-mail: zlata99_99@mail.ru.

Мотилова Мария Владимировна

Студент, кафедра «Теория и практика перевода», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия, e-mail: 80665118677@mail.ru.

Палий Юлия Владимировна

Научный руководитель, доцент кафедры «Теория и практика перевода», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия, e-mail: julmay19@gmail.com.

Руденко Наталья Сергеевна

Научный руководитель, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой «Теория и практика перевода», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия, e-mail: runa79@yandex.ru.

Рудюк Алексей Владимирович

Магистрант, кафедра «Финансы и кредит», Институт финансов, экономики и управления, Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия, e-mail: leiiika-1@yandex.ru.

Троценко Оксана Игоревна

Магистрант, кафедра «Экономика предприятий и организаций», Институт финансов, экономики и управления, Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия, e-mail: ksusha.trotsenko@rambler.ru.

Уткина Ольга Викторовна

Студент, кафедра «Теория и практика перевода», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия, e-mail: pshepurechka@gmail.com.

Чалая Юлия Петровна

Научный руководитель, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры «Теория и практика перевода», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия, e-mail: j@chalaya.ru.

Яковлева Юлия Константиновна

Магистрант, кафедра бухгалтерского учета, анализа и аудита, Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия, e-mail: y.basistaya@mail.ru.

Ястрембский Павел Валерьевич

Студент, кафедра «Теория и практика перевода», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия, e-mail: ystrmbsky.p@gmail.com.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Abramova Larisa S.

Scientific advisor, PhD in Economic Studies, Associate Professor of the Department of Economics of Enterprises and Organizations, Institute of Finance, Economics and Management, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia, e-mail: larisaabramova1407@mail.ru.

Balakleeva Anastasia M.

Scientific advisor, Associate Professor of the Department of Finance and Credit, Institute of Finance, Economics and Management; Sevastopol State University, Sevastopol, Russia, e-mail: bubnova_am@mail.ru.

Barmina Evgeniia A.

Scientific advisor, PhD in Philology, Associate Professor, the Department of Theory and Practice of Translation, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia, e-mail: mar.indigo@mail.ru.

Bochkariov Maxim A.

Student, the Department of Theory and Practice of Translation, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia, e-mail: maks.bo4ckariov2014@yandex.ua.

Chalaya Yuliya P.

Scientific advisor, PhD in Philology, Associate Professor, the Department of Theory and Practice of Translation, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia, e-mail: j@chalaya.ru.

Dobynda Daria G.

Student, the Department of Theory and Practice of Translation, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia, e-mail: ddariadobinda@gmail.com.

Elizarov Alexandr S.

Student, the Department of Theory and Translation Practice, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia, e-mail: hewley000@gmail.com.

Komutstsi Liudmila V.

Scientific advisor, Doctor of Science in Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and Practice of Translation, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia Federation, e-mail: ltataru@yandex.ru.

Kuzmichyova A.

Student, the Department of Theory and Translation Practice, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia, e-mail: kuzmichyovaanna@yahoo.com.

Lobkov Alexander Ye.

Scientific advisor, PhD in Philology, Associate Professor, the Department of Theory and Practice of Translation, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia, e-mail: alexev1975@yandex.ru.

Loza Svetlana V.

PhD student, Department of World Economy and International Economic Relations, Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia, qqqeex@gmail.com.

Matushevskaya Elena A.

Scientific advisor, PhD in Economics, Associate Professor of the Department of Accounting, Analysis and Audit, Institute of Finance, Economics and Management, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia, e-mail: matushevskaya73@mail.ru.

Medvedkin Taras S.

Scientific advisor, PhD in Economics, Professor, Department of World Economy and International Economic Relations, Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia, taras.medvedkin@gmail.com.

Mikhailova Evgenia V.

Scientific advisor, PhD in Philology, Associate Professor, the Department of Theory and Practice of Translation, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia, e-mail: lastochkina1969@mail.ru.

Moroz Zlata O.

Student, the Department of Theory and Translation Practice, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia, e-mail: zlata99_99@mail.ru.

Motilova Maria V.

Student, the Department of Theory and Translation Practice, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia, e-mail: 80665118677@mail.ru.

Paliy Yuliya V.

Scientific advisor, Associate Professor, the Department of Theory and Practice of Translation, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia, e-mail: julmay19@gmail.com.

Rudenko Natalia S.

Scientific advisor, PhD in Philology, Associate Professor, Head of the Department of Theory and Practice of Translation, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia, e-mail: runa79@yandex.ru.

Rudyuk Aleksey V.

Master student, Department of Finance and Credit, Institute of Finance, Economics and Management, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia, e-mail: leiiika-1@yandex.ru.

Trotsenko Oksana I.

Master student, Department of Economics of Enterprises and Organizations, Institute of Finance, Economics and Management, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia, e-mail: ksusha.trotsenko@rambler.ru.

Utkina Olga V.

Student, Theory and Practice of Translation Department, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia, e-mail: pshepurechka@gmail.com.

Yakovleva Julia K.

Master student, Department of Accounting, Analysis and Audit, Institute of Finance, Economics and Management, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia, e-mail: y.basistaya@mail.ru.

Yastremskiy Pavel V.

Student, Theory and Practice of Translation Department, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia, e-mail: ystrmbsky.p@gmail.com.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Dictum – factum: **от исследований к стратегическим решениям**

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

ВЫПУСК 5

Учредитель: Севастопольский государственный университет

Главный редактор Комуцци Л. В., научный редактор Иванцова Ю. А.,
Редакционная коллегия: Баранова А. В., Кабанкова Е. Н., Лобков А. Е. и др.

Компьютерная верстка – Терещенко Ю. А.

ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»
Институт общественных наук и международных отношений
Кафедра «Иностранные языки»
Кафедра «Теория и практика перевода»

299053, г. Севастополь, ул. Университетская, 33.
тел. кафедры: +7 (8692) 435 195
e-mail: Dictum.Factum.Conf@gmail.com

ООО Издательско-полиграфический центр
«ПОЛИТЕРРА»

г. Белгород, ул. Студенческая, 16, офис 19.
Тел. 8 (910) 360 14 99
e-mail: polyterra@mail.ru
www.polyterra.ru